

ИРИНА ФЕДИЧЕВА

*Тридцуманная
жизнь*

Ирина Федичева
Придуманная жизнь. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711953

ISBN 9785449301482

Аннотация

Роман «Придуманная жизнь» рассказывает о жизни главной героини: романтика мечтательницы, человека цели, о её пути к достижению жизненного успеха, о любви и верности, о честности и предательстве. И о том, как важно оставаться собой в любых обстоятельствах, ставящих человека порой перед нелёгким выбором.

Содержание

От автора	6
Об авторе	8
Часть первая.	9
Глава первая	10
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвёртая	30
Глава пятая	36
Глава шестая	43
Глава седьмая	50
Глава восьмая	54
Глава девятая	60
Глава десятая	64
Глава одиннадцатая	68
Глава двенадцатая	72
Глава тринадцатая	82
Глава четырнадцатая	88
Глава пятнадцатая	96
Глава шестнадцатая	101
Глава семнадцатая	105
Часть вторая.	109
Глава первая	110
Глава вторая	118

Глава третья	124
Глава четвёртая	129
Глава пятая	134
Глава шестая	140
Глава седьмая	143
Глава восьмая	145
Глава девятая	148
Глава десятая	149
Глава одиннадцатая	153
Глава двенадцатая	159
Глава тринадцатая	164
Глава четырнадцатая	166
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Придуманная жизнь

Роман

Ирина Федичева

Фото Владимир Железный, Наталья Книжникова, Ирина Федичева

Дизайнер обложки Новиков Максим, Книжникова Наталья

© Ирина Федичева, 2019

© Новиков Максим, Книжникова Наталья, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-0148-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сколько себя помню, я всегда хотела писать книги. В детстве изумлялась мастерству писателей, часто недоумевая: «Откуда писатель знает, о чём думают и говорят действующие лица? Кто запомнил все их мысли и разговоры?» – и т. п. Пришло время, я в этом разобралась, написала свои книжки. Тема их – любовь. Но не только и не столько сама любовь, сколько поступки людей любящих или изображающих это чувство.

Я получила много откликов после выхода в свет сборников рассказов «Лорд» (2000 г.) и «Аккорды-акварели» (2003 г.). Почти всё, написанное мною позже, находится на моём личном литературном сайте (<http://feirina.narod.ru>). Часть произведений опубликована в ряде журналов и коллективных сборников.

Некоторые коллеги по писательскому цеху советовали мне изменить название «Придуманная жизнь» на какое-либо другое: мол, это совсем не коммерческое. Но ведь мой роман я писала именно под этим названием. Произведение это «совсем не коммерческое», а, скорее, смысловое.

Спасибо всем, кто читает мои рассказы и новеллы, всем, кто прочтёт этот роман. Буду рада получить отклики по электронному адресу: feirina@yandex.ru

Желаю всем светлой и счастливой любви, достижения це-

лей и уверенности. Пусть у вас всё всегда будет хорошо.

Ваша Ирина Федичева

Об авторе

Ирина Викторовна Федичева (Лазутина) родилась в Читинской области, в семье советского офицера. Её дошкольное детство прошло у бабушки по материнской линии Агафьи Герасимовны Ковешниковой в селе Селитренном Харабалинского района Астраханской области. С семи лет постоянно живёт в городе Брянске. Более тридцати лет работала корреспондентом, ответственным секретарём, редактором в средствах массовой информации Брянской области. Художественную прозу о любви пишет давно. Её работы – это медленное чтение в тишине для тонкоорганизованных людей, способных думать и вдумываться, чувствовать и сочувствовать, переживать и сопереживать. Вероятно, и поэтому тоже трудно не согласиться с личными убеждениями Ирины Викторовны в том, что, какой бы стороной ни поворачивались к человеку события его жизни, он должен (в первую очередь для себя) помнить, что *за облаками всегда есть солнце, и всё поправимо кроме смерти, а если обстоятельства изменить невозможно, то следует учиться в них жить*. Автор уверена: каждый из нас способен хотя бы немного, хотя бы чуть-чуть сделать окружающий его мир чище и красивее, а своих близких – счастливее.

Часть первая.

Серебряный туман

В детстве и юности все хотят поскорее стать взрослыми. В детстве и юности мало кто подозревает о «полосатости» судьбы, а мечты и реальность кажутся одним и тем же. В детстве и юности слёзы высыхают быстро, легко преодолеваются невзгоды. Детство и юность строят самые надёжные воздушные замки на песке.

Глава первая

Тоненькая девушка, почти девочка-подросток, накинув на плечи лёгкую кружевную шаль, пристроившись около окна, о чём-то задумалась. Невесомый ветерок лениво заигрывает с тюлевой занавеской. Солнце за горизонтом досматривает последние сны. Спят дом и уставшие за долгий праздничный вечер родители. Дреmlют деревья в саду.

Лето. Тепло и спокойно. Мир не подозревает о мечтах девочки со странным именем Октябрина.

«Сиреневый туман над нами проплывает, над тамбуром горит прощальная звезда...» В предрассветный час транзисторный приёмник едва слышно выплёскивал из эфира вполне подходившие к моменту грустные слова. Мелодия и эмоции последних суток давно прогнали сон.

Ещё час назад они всем классом мечтали, обещали, желали, прощали, прощались. Верили словам, в непременною удачу, в счастливую звезду. И вот выпускной вечер остался за парадными школьными дверьми. Наверное, одноклассники сейчас отдыхают. А может быть, им тоже не до сна?

Впрочем... Что ей за дело теперь до них! Каждый в классе был сам по себе. И врозь, и вместе. Не конфликтовали и не дружили. За десять лет учёбы между ними так и не возникло настоящей дружбы. Люди-одиночки, случайно оказавшиеся вместе. Почти в полном составе, переступив де-

сять лет назад порог новенькой школы первоклассниками, они наконец-то добрались до выпускного дня с его заветными аттестатами. И вот теперь каждый ступает на свою дорожку.

Осторожно, чтобы ненароком не потревожить родительский сон, девушка открывает шире створки окна. Новый день тайным заговорщиком пробирается в комнату. «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда...»

Трогательная девочка с прямыми длинными тёмно-каштановыми волосами. Через окно в сад она пытается разглядеть своё будущее.

А в саду колышется июнь.

– Мир! Я сделаю тебя добрее! – шёпотом восклицает девочка.– Хочу, чтобы ты изменился, стал лучше, чтобы люди полюбили жизнь и друг друга.

Песня закончилась. Грустные слова о прошедшей любви. А вот у девочки любовь не кончится никогда!

Юность максималистично-самонадеянна. В юности, наверное, каждый уверен: именно его печали и горести обойдут стороной. Это у других полно забот и хлопот. Это другие мучатся ими, нагружают друзей, родственников, ноют, хнычут. И старость приходит к другим.

И смерти не бывает.

Глава вторая

Слегка озябнув, Октябрина юркнула под одеяло и сразу же уснула.

Впереди большой долгий день, когда почти нет ночи, когда одна заря спешит поздороваться с другой.

И уже завтра Октябрина повезёт документы в университет. Она мечтает об учёбе в столице, хочет быть журналисткой – дальние поездки, встречи с людьми. А потом – подпись под газетным материалом. И все удивляются: складно, интересно, захватывающе! Как удалось! В их школе она одна целый год готовилась к поступлению на самый престижный факультет страны. Там жуткий конкурс! Но надо пробовать!.. Надо стучаться, добиваться. Что такое человек без мечты? Пустое место, оболочка, одушевлённое равнодушие.

Но документы она повезёт завтра. А сегодня у неё свидание!

...Ах, как было светло! Танцевальная веранда в парке – прародительница будущих дискотек. Красивые взрослые девушки. Уверенные парни. Скорее бы туда, за высокие прутья! Но строгие родители Октябрины не допускали и мысли о «танцульках».

– Танцы?! Это ужас! – мама всплёрскивала руками.

Наверное, она никогда не была молодой. Да ведь она и сейчас далека от старости. Только-только входит в средний возраст... Мама прирождённая актриса. Никогда не знаешь, искренны её эмоции или разыграны ею для какого-то, одной ей известного, «порядка». Мама подносит к глазам платочек, нервно капает в кружевную стопочку сердечное средство, прикрывает холодные глаза.

– Ещё чего! Танцы! Приличная девушка! Как не стыдно! Куда тебя тянет! Нужно учиться! Ты должна дать слово: пока не окончишь институт, ни о каких ухажёрах думать не будешь!

Мама точно вбивала огромные гвозди в неокрепшую душу девочки: приказывала, настаивала, заставляла. Она словно боролась с личностью дочери, её ранней самостоятельностью, с её чувством собственного достоинства.

В старших классах, летом, в каникулы девочка убегала вместе с подружками в парк на танцы, куда пускали только взрослых, самостоятельных с виду молодых людей. Строгие билетёрши чуть ли не требовали паспорт.

Сначала подружки издалека разглядывали пары за фигурной оградой. А на пороге десятого Октябрина решилась, трепеща, пройти на ярко освещённую танцверанду.

«Сиреневый туман...» – местный певец старался, как мог.

Первые танцы в парке. Девочки с начёсанными чёлочками, дрожь в коленках. Ах, эти тогдашние девочки в коротких

юбочках! Их не страшит будущее. Ведь живут они в лучшей стране, которая всегда позаботится о них, поддержит и поможет встать на ноги.

Это было всего-то год назад. Книжная девочка, наконец-то и она очутилась на презируемом мамой сверкающем «блюде»! Асфальтированный клочок земли. Там таяли и одевались в панцири сердца, решались судьбы, приключались личные драмы.

Октябрина прошла через пост билетёра, как через государственную границу, отошла подальше и замерла. Да может ли существовать это самое «подальше» в ярком свете фонарей? Парни словно не замечали её. Хотелось плакать. Не шевелясь, глядя в одну точку, девушка обдумывала план незаметного отступления в сторону дома. Главное – не выдать себя, никому не показать разочарования собой. Больше сюда – ни ногой! Куда ей, голенастой пигалице, до этих томных избалованных вниманием парней красавиц! Не так уж и далеко они ушли от неё по возрасту, а... какие-то они другие. Стать бы ей хотя бы немного похожей на них!

Октябрина уже почти решилась сбежать, как кто-то бесцеремонно и крепко сжал её ладонь. Она испуганно подняла глаза:

– Ой!

– Что «ой!»? – передразнил симпатичный и статный парень.

Певец и гитарист, он был мечтой многих завсегдашних ве-

ранды. «Сиреневый туман... над нами... про-плы-ва-а-а-ет...», – кажется, солист ансамбля страдает всерьёз!

С того вечера настроение Октябрины на долгие месяцы и годы погрузилось в тот самый придуманный чьей-то загрустившей фантазией «туман». Чепуха какая-то. Кто видел туман сиреневого цвета? И вообще... Что это такое – туман? Сырость, портящая прическу. В энциклопедии и того хуже: «Туман, в общем смысле – аэрозоль с капельножидкой дисперсной фазой (ну и формулировочки!) ... Образуется из перенасыщенных паров в результате конденсации... Туман... это скопление водяных капелек или ледяных кристаллов в приземном слое, значительно сокращающее дальность видимости...» Вот так-то! Не больше и не меньше. «Сокращает дальность видимости», – хорошо бы не забыть!

Неотразимый молодой человек о своей работе никому не рассказывал, лишь многозначительно улыбался и уводил разговор в сторону, если кто-то пытался ею поинтересоваться. Изредка парень позволял себе безобидные «закидоны» вроде игры в парковом ансамбле или хозяйско-панибратского знакомства, например, с ней, почти девчонкой.

Не потому ли он, к его удивлению, охотно чуть ли не до утра бродит с нею по городу, на равных разговаривает. Какая она интересная, эта тростинка с зеленоватыми глазами! Удивлённо слушая её рассуждения, он с удовольствием поддерживал разговор. Ишь, умница-разумница! С ней почему-то не тянет в отдалённые аллеи, не приходит в голову

предложить ей часика полтора «отдохнуть» в квартире друга.

Вадим, так звали нового знакомого, потрогал ключи, прихваченные на всякий случай. Он неплохо разбирается в психологии женщин – молодых и не очень. Ему двадцать пять. И он – человек цели.

...Уже шестой день девушка сидела взаперти. Под домашний арест её отправил отец. Нарушив после танцев допустимые сроки возвращения, она предстала под утро перед плачущей мамой и разъярённым папой. «Вытерплю!» – думала Октябрина, вспоминая минувший вечер. За всё приходится расплачиваться. И за счастье – тоже! После танцев в неё вселились неопиcуемый восторг и радость, вошло ощущение новой жизни – неведомой ранее, спрятанной за крепкими замками родного дома.

Наверное, девочки влюбляются иначе, чем мальчики. Но он – не мальчик! Ему скоро двадцать шесть! Говорят, он избалован вниманием женщин. Но он такой необыкновенный! Если б было можно, Октябрина никогда не расставалась бы с ним.

Телефонного звонка она не ждала – её не позвали бы к телефону. Ждать звонка было бессмысленно. Проводив её почти до дому (дальше Октябрина не разрешила), новый зна-

комый сказал, что днём уезжает. Она же кое-как объяснила родителям своё поздне-раннее возвращение: заговорила с подружками, не заметила, как перестал работать городской транспорт, шла пешком. Тогда мама зашла в рыданиях:

– Как так! Одна! По тёмному городу! Могли и обидеть! Мало ли хулиганов! Нужно было взять денег для такси.

Такси! Откуда могла знать Октябрина, какой стороной к ней повернётся минувший вечер! Она же не предполагала задерживаться. Ну а теперь, как уж получилось.

Знала бы мама: до тех пор, пока Октябрина будет рядом с ним, её никто не обидит. Вспомнив его руки, Октябрина улыбнулась: такие нежные. А плечи! Крепкие, широкие! За ними хочется спрятаться.

Наверное, в тот вечер в ней заговорила женщина.

Знала бы мама, с кем познакомилась её дочь. А если бы узнал папа? Не миновать скандала, как пить дать! Папа не привык к противоречиям и говорит один раз. С папой нельзя спорить. Ему нужно повиноваться. Он не хочет слышать ни о каких «женихах»!

Октябрина зажмурилась. Нет! Она ничего не расскажет родителям. Ведь это её жизнь! Пусть будет, как будет!

Молодой человек по пути домой думал о девочке с остреньким носиком и острым умом. Чистая девочка. Такие в большинстве своём отличницы, зубрилы и зануды. А эта – живая, разговорчивая, забавная. Только вот... непросто быть рядом с такими девочками. Потом они превращаются

в очень правильных женщин, с чувствами которых придется считаться! И это осложняет жизнь.

«И что это я думаю о ней?» – удивлялся молодой человек.

У него, носившего красивое и незаезженное имя Вадим, было всё для беспроblemного будущего: образование, здоровье, красивая мужественная внешность, спортивное телосложение, перспективы серьёзного карьерного роста. Он быстро шёл в гору, был на хорошем счету у начальства, безукоризненно выполняя его затейливые поручения вроде игры в бесшабашного массовика-затейника, музыканта и любимца женщин.

В ближайшее время он уезжал на учёбу в столичную академию. А там... Всё возможно. К примеру, возвращение в родной город со значительным повышением. Но есть и другой путь: пробиться на самый верх. Главное сейчас – правильное поведение. Заманчиво оказаться наверху в молодые годы. Здесь уж не до любви, не до дружбы, не... не до чего. Или – или! Но он попробует сохранить эту девочку. Надо подумать, надо выбрать правильное решение. Но как же хочется попасть *туда!* Там – всё! Перспективы, связи, деньги, власть, изобилие! Ради них он готов отказаться от всего личного. Хоть сейчас! Хоть и навсегда! А что? Одному жить тоже неплохо. Во всяком случае, хлопот намного меньше. И отвечаешь только сам за себя. Такая карьера дорогого стоит. Только круглый идиот этого не понимает. Или безнадёжный... идеалист. Что в данном варианте практически одно

и то же. Ну что здесь непонятного! Всё ясно, как белый день.

Ведь *там* – уже коммунизм, возможностью наступления которого когда-нибудь одурманивают головы таким вот девочкам, миллионам девочек, мальчиков, стариков и всем остальным преданным стране согражданам. Но выбор граждан – это не его выбор. То есть, его это не касается. Пусть живут сами, как получается или как могут. До них ему нет никакого дела. У него другие планы! Он пробьётся! Сейчас он почти обременён семьёй – для карьерного роста. Официальную церемонию пока удаётся оттягивать под благовидными предложениями. И он понимает: ни к чему заводить романчик с неизвестной девчонкой. «Но она мне понравилась. Окончит школу. Поступит учиться... Хорошая девочка из хорошей семьи. Чистая душа. Я обучу её правилам всех „игр“, без знания которых ничего добиться невозможно. Чем раньше она поймёт это, тем понятливее станет относиться ко многим явлениям реальности. Её нельзя потерять. Из неё можно вылепить хорошую жену для того, кто стремится наверх!»

В тот вечер Вадим не узнавал себя.

Он хорошо осознаёт, что не вправе думать о любви. Кандидатуры для недолгого личного общения в его серьёзном ведомстве тщательно рассматриваются, их подбирают заранее. Довольно привлекательные девушки. С ними обеспечено приятное время без последствий.

И ему подыскали вероятную жену. Его не привлекала женьиба. Но карьера важнее. Без правильного брака её не вы-

строить.

«А что, если?.. – мысль сначала обдала холодом, потом бросила в жар. – А что, если доложить об этой девочке? Через год она окончит школу. Потом...» – Вадим отогнал вариант как неосуществимый.

Кто знает, не поспешил ли отмахнуться, не осложнил ли своё настоящее, не ошибся ли... «Погода» в его ведомстве начала потихоньку, незаметно, пока малоощутимо, меняться. И, кто знает, вариант девочки как будущей жены мог пройти. Но как говорить о ней, едва познакомившись? Сочтут несерьёзным. Как-то такое повернётся потом! Как-то аукнется! Уж лучше далеко не заходить в этом знакомстве, но и пока не отказываться от него. Очень хорошая и добрая девочка – настроение и радость.

Пребывая в почти безмятежно-романтическом настроении Вадим добрался до дому. Он поставил рядом с кроватью будильник и выключился на два часа.

Глава третья

Всё это происходило чуть больше года назад. Поступив в академию, Вадим легко учился и сумел-таки не обременить себя браком. Начальство отнеслось к его доводам с пониманием, рекомендуя на некоторое неограниченное обязательствами время заниматься только учёбой. Оно делало на Вадима ставку. Что ж... Пусть пока... до поры до времени... руки у парня останутся развязанными.

...День набирал силу. Октябрина спала. Снился Вадим. Он нежно обнимал её загорелые плечи, целовал волосы. В радостном волнении девушка проснулась. Комнату заливало солнце. Кажется, сегодня произойдёт что-то хорошее... очень хорошее. Ах, да! Вечером ей разрешено прогуляться!

Поразительно, но родители отпускали Октябрину в столицу без сопровождения! Она было подумала, что они признали её право на взрослость. Но они всего лишь решили попробовать хотя бы немного ослабить воспитательные вожжи. Да и мамина институтская подруга, у которой Октябрина поселится, жила рядом с вокзалом, на который прибывал поезд. Даже транспорт не требовался, чтобы добраться до её дома. Октябрина с мамой не раз бывали у неё в гостях.

Та-а-а-к! Значит, в столицу одной отправляться можно, а в родном городе, видите ли, нельзя задержаться вне дома и лишней минуты! Теперь надо суметь не насторожить родителей, набраться терпения, не нервировать их пустяками. Но как всё предусмотреть, как отличить, к чему готовиться? Больше года она скрывала тайну. Если бы родители знали о Вадиме, об их девятилетней разнице в возрасте, – а в юности это очень много – то... Ей было бы, ой, как непросто. Родители считались с общественным мнением, которое не поощряло многое, тем более дружбу с молодым человеком с большим возрастным отрывом.

Октябрина пряталась в мысли о Вадиме всякий раз, как только на её личном небосклоне появлялось даже незначительное облачко. Она постепенно привыкла к тому, что Вадим решает, как ей поступить в том или ином случае.

Сегодня в четыре дня она отправится якобы в библиотеку. Она и в самом деле туда зайдёт – никакой преднамеренной лжи. Потом ей можно погулять с девочками, а если девочки надумают гулять подольше...

– Непременно, мамочка! – кивала послушная дочь.

Долго ли попросить кого-либо подтвердить наличие исключительно девичьей компании! Зато сегодня они с Вадимом собираются от души наговориться!

– Только обязательно позвони! – примирительно увещевала мама.

Тоненькая девочка, открытая душа... Тысячи девушек

со свойственной юности безгрешностью каждодневно начинают свой взрослый путь по планете.

Вадим не успевал вернуться к выпускному вечеру Октябрины ровно на день, предупредив её об этом по телефону. Да и что бы изменил его приезд? Зато сегодня, ближе к вечеру, у них свидание в парке с той самой танцевальной верандой, где он без дальних мыслей ухватил её за руку. И вот всё ещё держит.

«Вадим... – с этим именем в час дня Октябрина проснулась, чувствуя себя совсем не так, как раньше. – Мне не хочется в библиотеку. Мне не нравится ложь. Легче вообразить какую-нибудь историю, сфантазировать сюжет, поселиться в нём и там жить, реально находясь здесь. Но когда надо придумать что-либо в оправдание... Это не по мне! Сегодня же попрошу Вадима расставить всё по местам. Я окончила школу. Пора делать родителей союзниками», – размышляла Октябрина, собираясь в «библиотеку».

Она крутилась перед зеркалом, примеряла одежду, выбирая, в чём лучше показаться на глаза Вадиму. Вещей у неё было немного. Только самое необходимое. Мама категорически возражала против «погружения в «тряпки». мода, видите ли! Всё это отвлекает от дел, моды эти самые, песни на непонятных языках... Запад, это чужеродное влияние, не пойдёт на пользу нашей здравомыслящей молодёжи... Поменьше информации надо давать «оттуда»... мода... У них своё, у нас – наше. Они нам не указ. Чисто, ак-

куратно – вот и вся «мода»! Сама же мама строго следила за своими красотой и одеждой.

«А вчера...» – вчера в это время завершались предвыпускные хлопоты.

Однако вчера было давно. И хорошо. Октябрина не могла дожидаться окончания уроков, избавления от школьной формы и вообще! Класс был недружным. Даже странно, что вчера они вдруг объединились.

Наконец, в который раз оглядев себя в зеркале, Октябрина осталась довольна собой. Пора!

«Какие красивые у тебя волосы», – сказал вчера на вечере кто-то из одноклассников. Сговорились, что ли! То и дело осыпают комплиментами, чего раньше не было. Совсем недавно она бы краснела-бледнела. А сейчас! Гордая осанка. Уверенные движения. Вот что делает с человеком любовь.

Год, в котором у неё был Вадим, не прошёл для неё незаметно. Вадим исподволь успел многое сделать для формирования личности Октябрины. Считая себя давно сложившимся человеком, которому не нужны поучительные нотации, девушка порой думала, что она родилась взрослой.

Внутренне независимая, она редко гуляла с подругами по улицам, почти не бывала на школьных вечерах – мешала неуверенность в себе, взращённая в семье. Её часто одерги-

вали: не пой! И она не пела даже на уроках пения. Её упрёкали: ходишь вперевалку, как утка! И она сжималась, прошмыгивая мимо всех как можно незаметнее. Она не «так» танцевала и оставалась для родителей, в основном для мамы, неуклюжим недоразумением. Октябрина не понимала, что происходит и сама себя жалела, часто плакала.

Её чувство внутреннего достоинства страдало. И как могла, она протестовала против несправедливых оценок себя близки людьми. А её «не такой» характер противился любой сторонней попытке изменения его.

Так кто же все эти годы окружал девочку? Почему зачастую ей хотелось исчезнуть, спрятаться, уехать на поиски своего совершенного мира? Быть может, такая счастливая земля где-то есть?

Октябрина глядела в окно полупустого летнего троллейбуса, думая о Вадиме. Они не встречаются открыто, жаль. Но по-другому нельзя, так сказал Вадим. Она вытерпит. Будет ждать. Ей пока семнадцать. А на Октябрьскую исполнится восемнадцать. Возрастом гражданской зрелости называет этот рубеж папа.

Октябрина гордилась датой своего рождения – в день главного праздника большой и великой страны. Имя тоже в честь него. Так захотел папа.

Ну почему в их доме так холодно? Почему не хочется откровенничать с мамой? Почему мама выговаривает ей за любую мелочь так, словно дочь подсудимая, а мама – главный

судия всего и всех! И очень хочется плакать после всех этих незаслуженных ею проработок. Быть может, мама не любит её, разумом понимая несуразность ситуации? Может быть, мама ищет любой повод, чтобы оправдать нелюбовь мелкими придирками и, якобы, «шутками»? А если Октябрина плачет из-за этих «шутков-подначек», значит, она капризная и нервная девчонка, лишённая чувства юмора, ей давно пора брать пример с других, вежливых и послушных, девочек.

Может быть, мама – слабый человек? А папа? Как понять его? Папа молчал, глядя на происходящее в доме исподлобья, и почему-то почти никогда ни во что не вмешивался. Он как бы отгораживался от жены и дочери, предоставляя возможность им самим разбираться в непонятных ему женских столкновениях. Папа хотел иметь сына. Ну а мама, по его вроде бы шутливым словам, которые случайно долетели до ушей дочери, наперекор ему добила своё. Мама всегда и всё делала наперекор папе. И папа ни в чём не уступал маме. Может быть, они все эти годы придерживались каких-то негласных правил только им известной игры? Крайне редко девочка ловила на себе мимолётный сочувствующий папин взгляд. Ей тут же хотелось прижаться к отцу, чтобы он приласкал, погладил по голове. Но папин взгляд, ускользнув, прятался в холодных глазах и, кажется, ничего не выражал. Да и был ли он? Октябрина уходила в свою комнату. Разыгрывала «в лицах» истории из жизни кукол, которые были её почти живыми подружками. Они, придуман-

ные и оживляемые ею люди, всё понимали, советуя, как жить дальше, веселили хозяйку, радовали и жалели её.

Подолгу находясь среди своих «сочинений», незаметно для родителей, но ощутимо для себя, Октябрина научилась под другим углом зрения понимать и принимать мир. Внутри ведь она давно была взрослой. Параллельно с родителями и учителями она воспитывала себя сама и, очень похоже, преуспела в этом. Она всё могла объяснить взрослым о себе. Да вот только никто из них её знаниями не интересовался.

После родительского воспитательного часа Октябрина чувствовала себя униженной несправедливыми оценками. Ну какая же она «недобросовестная неряха», если она не такая! Почему-то им не по душе её фантазии, смех, шутки. Она чему-то мешает? В чём-то виноватая, она явно здесь лишняя. Наверное, ей нужно превратиться в нечто бессловесное – тогда в доме всегда будет тихо и спокойно. И никто не нарушит скрытой ненависти родителей друг к другу. Октябрине всегда было зябко после «проработок». Она согревалась под одеялом, свернувшись калачиком. И даже не догадывалась, что такое состояние называется хроническим стрессом. Пройдёт время, она разберётся, что к чему было, есть и будет... Ей давным-давно, классе в третьем или четвёртом, захотелось окончить школу, сбежать куда-нибудь подальше отсюда, хотя дом свой она любила. Здесь были потаённые уголки, где жили придуманные ею сказочно-реальные герои. Она бы хотела возвращаться сюда иногда, на ко-

роткое время, а лучше – невидимкой. Пожить в комнате с окном в сад; проснуться ни свет ни заря; встретить солнце на утренней заре; поздороваться с миром и – улучшать его, улучшать. Улучшать, хотя бы для того, чтобы не было в нём одиноко горюющих детей, которые затем превращаются во взрослых людей-одиночек.

Год общения с Вадимом, в основном через звонки и письма, переменял Октябрину. Она выговаривалась в письмах ему и вроде как частично облегчала свой внутренний груз. Он отвечал без намёка на морализаторство или профессиональное превосходство. Вроде и не было разницы в годах. Они сохранили свою «конспирацию». Письма «до востребования» на удалённые от дома почтовые отделения, домашний тайник. Октябрину и через улетевшие десятилетия там всегда будут ждать его письма, перечитать которые она и не захочет, и не сможет, и даже надолго забудет о них. «А ведь это был роман в письмах», – такая мысль возникнет через много лет. И уйдёт в никуда.

Очень красивая в новом пёстром платьице с юбкой солнце-клёш, предназначенном для лета в столице, Октябрина выглядела повзрослевшей. Встречные парни восхищённо провожали её взглядами. Вот и славно! Пусть, пусть родной город ею любит. Когда-нибудь он поверит и в её мечты. Тоненькая девушка, почти девочка, рассматривала себя в стёклах витрин. Такой должно повезти в жизни.

Однако красивым и умным женщинам нередко приходит-

ся непросто порой даже в простейших ситуациях, а ведь жизнь не перепишешь, не продублируешь, не начнёшь заново.

Сдав на абонемент прочитанные книги, девушка вскочила в троллейбус. Минут через двадцать в аллее парка она увидела Вадима.

Глава четвёртая

Со стороны – обычная деловая встреча. Конспирация! Смешное слово. Игра, как в детстве. Если бы! Сейчас сложнее. Обо всех знакомствах Вадим сразу же должен был сообщать начальственным инстанциям. Об Октябрине молчит чуть больше года. Неизвестно, чем это ему обернётся. Так что лучше уж ничего до поры до времени не объяснять.

Вадим не думал, а, скорее, не хотел думать о последствиях такого утаивания. Возможно, из-за молодости, или недооценки необходимости всегда своевременно просматривать цепочку возможных событий и их ответвлений, или из-за нежелания постоянно думать наперёд, взвешивать, что из чего может получиться, что с чем способно состыковаться или не сложиться. Это удел искусных интриганов. Он и был интриганом по своей сути, но в силу возраста ему не доставало опыта, а характер его пока не зачерствел.

Может быть, именно потому Вадим дорожил этой девочкой. Но он знал и то, что она находилась в стороне от главной дороги его судьбы. И только что-то из ряда вон выходящее могло их соединить. Ради неё он пока не планировал рисковать ни будущим своим, ни карьерой, практически ничем. Если же он действительно планирует Октябрину в своей судьбе, то надо повести дело так, чтобы сложились в одну нить все тонкие нити их знакомства и дружбы. И тогда, воз-

можно, придёт пора думать об обоюдном будущем. Молодой человек не раз размышлял, каким образом в удобный для себя момент скажет начальству об Октябрине. Дело за малым: она должна учиться в столичном вузе. Она стремится стать журналисткой? Хорошее дело. У неё есть все шансы на поступление. Боится иностранного? Он готов ей помочь. С иностранными языками у него отлично!

– У тебя не очень хорошее настроение? – спросила Октябрина, взглядываясь в лицо Вадима.

– С чего ты взяла? – удивился тот.

– По глазам вижу, – озаботилась Октябрина.

– Что же ты видишь? – уточнил Вадим.

– Тревогу. Даже не вижу – чувствую, – насторожилась Октябрина. – Что-то неприятное?

– Не беспокойся. Всё в порядке, – отчеканил Вадим, непререкаемым тоном ставя жёсткий барьер между вопросами и ответами.

Тем не менее, причина для тревоги была. Не далее как вчера начальство завело с ним первый серьёзный разговор о семейных узах. И даже, что не было для Вадима неожиданностью, предложило на выбор несколько кандидатур для знакомства. С принятием решения его не торопили, но он и сам понимал, что оттягивать с ответом дальше не в его пользу. Личные пожелания потенциального жениха, конечно, примут во внимание – не крепостное право. Нужно, очень нужно, чтобы Октябрина поступила на факультет. Ни о какой

другой профессии она не желает слышать! Вадим же не хотел бы слышать ни о ком другом. Оттягивая время, он надеялся на изменение обстоятельств, на что-то такое, что поможет ему.

Они бродили по отдалённым аллеям. Старые липы с бурочёрной корой стволов смыкались кронами и почти не пропускали к земле предвечерние солнечные лучи.

– Знаешь, что? – остановился Вадим. – Раз уж так вышло и у нас образовалось свободное время, поедем за город, а? Быстренько, перебежками, по одному к электричке. Там осмотримся и таким же макаром – в лес.

Октябрина молчала. Слова Вадима царапнули настроение: что он там напридумывал? Какие-то перебежки, маскировки. Игра в войну, что ли? Но она – сторонница мирной жизни, домашней, размеренной, с детьми, игрушками, мужем-каменной стеной.

– Ну что, ты согласна? – повторил Вадим. – Давай часика два подышим лесом? Я прихватил расписание электричек, скоро придёт одна из них. Держи! – Вадим положил в тёплую ладонь девушки двадцать копеек одной монеткой. Она засмеялась:

– Хорошо! Пусть будет по-твоему!

– То-то же! Привыкай! В доме всё должен решать мужчина!

– Что решать? В каком доме?

– Потом скажу. В лесу. Всё, рассредоточиваемся. Купишь

билет – иди во второй вагон с конца, садись в середину. Я позже подойду.

Вадим ускорил шаг и ушёл вперёд. Октябрина проводила его грустным и восхищённым взглядом. Потом она пересекла дорогу, поднялась на пешеходный мост через железнодорожные пути. От высоты захватило дух.

Впереди голубым парусом маячила стройная высокая фигура Вадима. Он широко и уверенно шагал по мосту раскованно-независимой походкой не обременённого заботами человека. Этаким шалтай-болтай! Кому на ум придёт заподозрить в нём того, кем он был на самом деле? А кем он уже был, блестяще окончив первый курс академии? Учился он без труда, с интересом ко всем предметам. За год здорово продвинулись оба иностранных языка. Вадим готовил себя к постоянной серьёзной работе. Всего одна «закавычка» мешала ему: существование девочки, которую он любил всем сердцем и без которой, думалось ему, он себя не представлял. И в то же время готов был поступиться ею, если того потребуют обстоятельства. Теперь Вадим жалел о том, что тогда же, после первых двух дней знакомства, не сказал о ней начальству, получив в итоге множество непоследовательностей в клубке происходящего. Что ж, казись не казись, – не сделанного не исправить. Нужно обдумать, как быть сегодня, проработать ближайшую перспективу и предположить отдалённую перспективу. Тогда не придал значения, а сейчас нужно детально выдумывать версию якобы только что слу-

чившегося знакомства. Он-то готов. А как среагирует Октябрина? Она умница. Но как же ему не хочется лжи, особенно связанной с ней.

Хорошо зная окрестности города, Вадим выбрал для встречи тихое малолюдное местечко. Ехать недалеко и недолго, всего-то минут пятнадцать. «В лесу и поговорим», – думая так, Вадим опустил в билетный автомат монету в обмен на небольшой светлый прямоугольник. Равнодушно окинул взглядом кассовый зал. На жёстком сиденье пристроилась Октябрина. Её скучающий вид ввёл бы в заблуждение любого Пинкертонa. Девушка явно никого не ожидала и, видимо, направлялась то ли на дачу, то ли в деревню.

Вокзальный диктор объявил о приближении электрички. Октябрина как бы нехотя поднялась, небрежной походкой поплелась к предпоследнему вагону. «Ну и актриса! – изумлялся Вадим. – Ей бы в театральный! Явные способности».

Электричка загудела, набрала скорость. В вагоне было почти пусто. Войдя в него, Октябрина прикрыла глаза. Короткую юбочку колыхнуло сквозняком. Она обеими руками оправила подол, села на скамейку. В вагоне перешёптывались две интеллигентного вида очень пожилые женщины.

Минуты через две, резко дернув дверь, вошёл Вадим – разбитной, высокомерный. Старушки испуганно переглянулись. Вадим заговорщицки им подмигнул. Уселся напротив Октябрины.

– Привет, милашка! Куда путь держишь?.. А?.. Что молчим?.. – развязность и наглость парня поневоле напрягли Октябрину.

– Скажи что-нибудь, – почти не шевеля губами, попросил Вадим, – покажи, что испугалась.

– Отстаньте, – старательно подыграла Октябрина.

– А чего это «отстаньте»? – повышал голос Вадим. – Гордая? Понятно! Не хочешь знакомиться? Или маленькая ещё? С мальчиками мама не разрешает дружить? Боишься меня. Да? Где выходишь-то?

Октябрина как могла изображала испуг и самозащиту.

– Ладно, живи пока, я вернусь! – кривовато и многозначительно усмехнулся «приставала». И тут он «заметил» при- тихших попутчиц. Строго глянул в их сторону:

– Все живите – пока! Адью!

Вразвалочку Вадим направился в последний вагон.

Через пять минут Октябрина выпрыгнула на нужной остановке. Не заставил себя ждать и Вадим. Электричка в несколько секунд скрылась за лесным поворотом. Кажется, их никто не видел. Метрах в ста, правда, Вадим заметил невысокую фигурку какого-то, должно быть, местного жителя. Они сбежали с насыпи, оказавшись за полосой отвода, в молодом ельнике.

Глава пятая

Тихо. Пахнет травой и набирающим силу летом. Скрывшись под кронами деревьев, молодые люди остановились. Вадим нежно приблизил Октябрину к себе. Её сердечко билось, точно у перепуганного цыплёнка.

Вадим заглянул в глаза девушки. Стал целовать лицо, руки, волосы.

Сильный, молодой, здоровый, он не разрешил себе ничего большего. Всё будет, позже, когда осуществится разработанный им план. Когда то, что они сейчас обсудят, станет их общей жизнью.

Углубившись в лес, они расположились на крохотной полянке среди крепеньких ёлочек. Разговаривая шёпотом, детально обсудили возможную жизнь в столице.

– Поняла теперь, кто в нашем будущем доме хозяин? – шуточно, но строго спросил Вадим.

Ему ответили сияющие глаза Октябрины.

Вадим намерен уладить формальности с женитьбой, как только девушке исполнится восемнадцать – осталось всего ничего. И нужно поступить учиться. Тогда всё будет намного легче.

Пролетели два часа. Снова пора на электричку. Игра-реальность увлекла Октябрину. Вроде бы продумано всё до мелочей. Если что-то пойдёт не по их плану, то ориентировать-

ся станут на ходу. На всякий случай они придумали несколько условных знаков.

– Помни, завтра в поезде будем «знакомиться», – наставлял Вадим «ученицу». – Важно создать правильное впечатление. Неважно, кто окажется рядом. Создадим иллюзию знакомства невзначай. А потом я, немного джентльмен, немного приставала, немного капризный комсомольский воспитанник – увяжусь за тобой у всех на глазах. Запомнила, как ты реагируешь?

– Да. Я играю маменькину дочку, охочую до новых впечатлений.

– Повторим. Как ты это делаешь?

– Сначала отворачиваюсь, жеманюсь, краешком глаза наблюдаю за тобой. Я тебя не приближаю и не отталкиваю.

– Отлично. Теорию освоила. Может, попрактикуемся? Немного времени у нас есть... Давай-ка попробуем. Ты устраиваешься у окна. Вагон будет сидячим. Там кресла, как в самолёте. Я нарочно брал такие билеты – чтобы наше случайное знакомство подтвердило, если что, как можно больше свидетелей. Подстраховаться никогда не мешает. Сама знаешь, какая у нас общественная обстановка... Ухо надо держать остро и никому не доверять. Никогда и никому до конца не доверяй. Даже мне – это тебе моя памятка на жизнь. Запомни её навсегда.

Вадим инструктировал Октябрину. Повторения, которое «мать учения», не потребовалось.

– Ты, часом, в драмкружке не занималась? – подивился Вадим. Октябрина отрицательно покачала головой. – Мне кажется, ты неправильно выбираешь профессию. Тебе нужно в театральный. Или к нам. А может, и впрямь к нам тебя перекинуть?

– Как это – «перекинуть»? – не поняла Октябрина.

– Не волнуйся. Пошутил, – отговорился Вадим, понимая и неудачность шутки, и то, что тогда-то уж точно ему её не видать.

А это постоянное чувство тревоги, боязнь за близкого человека! Совсем другое дело, если жена оговорена начальством и становится неременным и обязательным деловым партнёром. В такой ситуации ставка делается не на чувства – доминирует психологическая совместимость. Она и определяет длительность партнёрства. Примеров хватает, есть немало таких семей, где и дети родились.

– Давай, милая, ещё немного порепетируем?

Октябрина с готовностью изобразила прощание с родителями на перроне: грустное лицо, в голосе лёгкое волнение. Вот и поезд отходит. Она пробирается к своему месту. Рядом – пустое кресло.

– Представила? – строго спросил молодой человек.

Октябрина кивнула

– Разрешите? – входил в роль Вадим. – О! Какая девушка!

В столицу? – ленивый тон, слегка развязные манеры...

– Садитесь, – «разрешила» Октябрина, отворачиваясь

к «окну».

– Такая красивая девушка, а разговаривать не хочет? – репетиция заигрывания продолжалась.

– Не приставайте. Я не обязана с вами знакомиться.

– Почему это? Уж не замужем ли вы? Не-е-ет... Не похоже. Тогда в чём дело? Мне нравятся красивые девушки. А вы очень даже миленькая.

– Я не разговариваю с незнакомыми мужчинами, – капризничала голосом Октябрина.

– Так уж? Неужели не нравлюсь?.. Продолжай, продолжай входить в роль, – наставлял Вадим. —Мы с тобой играем. Мы вернулись в детство. Помнишь, ты рассказывала об играх с куклами?

– То ку-у-у-к-лы, – протянула Октябрина. – А то ты! Давай о чём-нибудь другом поговорим. Скоро электричка, и до завтрашнего вечера я тебя не увижу. Сам говоришь – конспирация. Мне тебя всегда не хватает. Знаешь, мне хочется ощущать себя женщиной. Наверное, я устала быть ребёнком.

– Ты чувствуешь себя ребёнком? Или тебе внушают, что ты – ребёнок? По мне – так ты давно сложившийся человек. И даже незаурядная личность... в будущем... Если не погрязнешь в семье и быте. И мне тебя тоже не хватает. Хочу тебя обнимать, целовать, просыпаться рядом. Хочу, чтобы у нас родились дети, трое! – Вадим обнял Октябрину. – Ну и имечко тебе родители навдумывали, ласково не назовёшь – а полностью, так получается официальщина. Ок-тяб-

ри-на!.. Октябрина! Прямо наш революционный праздник! Парад! Равнение на середину! – Вадим и шутил, и варьировал уменьшительные производные от имени девушки. Новое не получалось. – Придумал! Ты будешь для меня Риной. Ринушкой. Если привыкну... Ничего, а?

– Ничего. В детстве я себя называла Окой. – Ока. О-ка! Понятно?

– Как-как? Повтори-ка!

– Ока. Не как река. А с ударением на первом слоге. Мама и сейчас изредка так меня называет.

– Ох, ты, моя Окочка... Нет. Я тебя буду называть по-своему. Придумаю, как.

Вот и лесу конец...

– Дальше иди без меня. Осмотрюсь, – строго сказал Вадим.

Октябрина медленно шла к железнодорожной платформе, минут через семь должна прибыть электричка, которую ожидало несколько человек.

– Из деревни, что ль? – вопросительно глядя на Октябрину, обратился к ней какой-то мужичонка.

Октябрина неопределенно кивнула.

– Внучка чья?

Октябрина вновь кивнула.

– Что скрытничаешь? Чья ж будешь-то? Я в округе знаю, почитай, всех, – не унимался незнакомец. – Чтой-то тебя не припомню? Аль не внучка? Чай, городская? Чего ж то-

гда по лесу шастаешь? Одна-то? Не ровён час приключится неладное... Глянь-ка! Не твой ли хахаль ползёт? Еле на ногах держится... Твой, да?

Октябрина занервничала. Взглянув в указанную сторону, обмерла. Вадим! Что это с ним? Если бы не уверенность в его абсолютной трезвости, она б ни на секунду не усомнилась в том, что к железнодорожной насыпи, едва удерживая равновесие, на полусогнутых добирается горький пьяница... «Вот это да!» – восхитилась Октябрина.

Будущие пассажиры электрички как по команде повернулись в сторону Вадима, с трудом преодолевавшего подъём.

– Ишь, молодые, о совести забыли, – бурчал дядька, от которого, кажется, разлило перегаром. – Попробовали бы мы в их года... загремели б со звоном... Живо б в кутузку... И дальше куда... Твой, что ль, этот малый-то? – не унился назойливый говорун.

Октябрина скрывала растерянность, делая лицо равнодушным:

– Не знаю я его!

– Хе-хе, не знаешь? А по кустам с кем лазила? Вон юбчонка-то зазеленилась, насмешливо прищурился непрощенный всезнайка.

Октябрина смутилась.

Мужичонка упёрся в неё немигающим, совершенно трезвым взглядом:

– Ага! – потирая заскорузлые от грязной работы руки, он

что-то бурчал и хмыкал на ходу, а потом, оглядываясь, подхватив несвежего вида узел, видимо, с каким-то барахлом, потопал в сторону остановки первого вагона, по-прежнему что-то бубня себе под нос.

Пробираясь мимо Октябрины, Вадим буркнул:

– Не пасуй...

Обдавая людей тёплым ветром, тормозила электричка. Октябрина забралась в середину состава, повторяя по дороге завтрашнюю «роль». «Знакомство» в поезде должно пройти удачно.

Спрыгнув с вагонной лесенки на тёплый городской асфальт, окроплённый дождём, она невольно оглянулась. Вадима не увидела. Куда он испарился? А вот говорливый мужик, громко отдуваясь, брёл вверх по ступенькам моста через пути.

Вокзальные часы показывали половину девятого вечера. Максимум через час Октябрина доберётся домой. И никто не заподозрит её в неискренности или лживости.

Глава шестая

Долгий июньский день завершился золотистым закатом. Наверное, завтра опять будет хорошая погода.

«Замечательное лето, удивительное время года, – радовалась Октябрина. – Тепло-то как! Если бы ещё и с экзаменами пронесло. Четырнадцать человек на место было в прошлом году. А сколько будет в этом?»

Возвращаясь домой троллейбусом, она думала о лесной прогулке с тревогой: куда всё-таки запропастился Вадим?

Но вот и дом родной! Он перешёл к её отцу от его отца – как свадебный подарок. Сам же дед, революционер первой волны, так и не понявший, что происходило в стране долгие годы, ушёл из жизни, беспрекословно веря в чистоту помыслов соратников и тех, кто приходил им на смену. Внутренний террор власти, уничтожение нации казались ему чем-то ирреальным, чудовищной ошибкой, в которую невозможно поверить. Он глубоко и тяжело внутри себя переживал происходящее в стране. И умер от обширного инфаркта, не дождавшись появления на свет внучки. Но непременно порадовался бы её рождению на день революции и связанному с ней имени девочки.

Октябрина открыла входную дверь своим ключом. Из глубины дома доносилась любимая мелодия: «Эти глаза напротив чайного цвета...» Приятные строчки. И пелось в них про

её золотисто-карие глаза.

– Это ты... – как бы отрешённо констатировала мама, выйдя в прихожую со сложенными на груди руками.

Мама, показалось Октябрине, была не совсем в своей тарелке. Не такой, как обычно. Другая.

– Что-то случилось?

Мама не ответила, махнув рукой. Потом обеими ладонями прикрыла лицо. Плечи её задрожали. Октябрина встревожилась: мама беззвучно рыдает!

– Что? Что случилось?

– Отец... Отец...

– Говори! Говори же! Что с ним? Он жив? – перепугалась девушка.

Очарования предыдущих часов как не бывало...

– Он... Он... Он ушёл! Он уехал! Навсегда!

– Как ты сказала? – дочь не хотела верить услышанному, но поняла всё без дополнительных объяснений.

Значит, это правда! Октябрина слышала обрывки разговоров мамы с её подругой, из которых уловила: между отцом и матерью что-то происходит. Мама подозревала его в связи с другой женщиной. Мама надеялась на благоразумие отца, на то, что он не станет рисковать карьерой, положением, останется в семье. Кажется, мама его по-своему любила. А он как же? Выходит, не любил или разлюбил? Почему? Куда уходит любовь, если семья создаётся на её основе? Стоп! Была ли любовь между её родителями? Они всегда сохраня-

ли вежливые взаимоотношения, не более. Став взрослой, девушка засомневалась в когда-либо существовавшей хотя бы короткой любви родителей друг к другу. Спроси кто, на чём основываются её предположения, Октябрина не смогла бы ничего объяснить. Она так чувствовала.

Книжная девочка, Октябрина читала о любовных треугольниках в романах семейной библиотеки. В основном в зарубежных. Романы авторов советского периода рассказывали о стройках великих пятилеток, разбавляя повествование любовью на фоне свершений. У их героев и героинь дети, похоже, появлялись на свет как-то иначе. Газеты о таких романах писали в захлѐб, называя новой, ни с какой другой не сравнимой литературой.

– И что? – робко поинтересовалась Октябрина. – Он с тобой объяснился?

– Объяснился! – мама недобро усмехнулась. – Объяснился! Как же! Сказал, она ждёт ребёнка... Он не в силах оставить молодую женщину в таком положении. Молодую! Разве я стара?! Между мной и ею каких-то лет десять-двенадцать... Как он посмел! Как хватило совести! А я?! А ты?! А что скажут люди?! Позор! Хотя бы соблюдал приличия! Нет! Он всегда был таким! Всегда – сам по себе! Ох, позор, позор. Что же теперь будет с его карьерой?! Я этого так не оставлю! Я напишу куда надо! Пусть ему подѣргают нервишки! Пусть попрыгает, как карась на сковородке! Он меня ещё вспомнит! – мама с каждой минутой распалась боль-

ше и больше.

Дочь не сомневалась – именно так и произойдёт. Бедный папа... Бедная мама... Неужели нельзя как-то иначе обойтись друг с другом – теплее, бережнее. Человечнее, наконец!

– Беременная? А сколько ей лет? – удивилась Октябрина, которой отец казался пожилым человеком – ему то ли около сорока, то ли на год-два больше... Октябрина не очень хорошо разбиралась в физиологии мужчины и женщины такого возраста. Можно сказать, совсем не разбиралась. Откуда ей, девочке из хорошей семьи, знать такие подробности? Литературу на эти темы невозможно найти. Разве что подпольно из рук в руки передавались книжечки подобного содержания, да ведь и они не отвечали на все вопросы.

– Она ему чуть ли не в дочери годится. Ей двадцать пять! Шалаве! – мама, обычно сдержанная, злилась и ругалась несвойственными ей словами.

Сухой и педантичный, отец почти не замечал дочери – разве только тогда, когда в доме было что-то не в порядке. Он бесстрастно выговаривал ей нравоучительные слова ровным низким голосом, глядя как бы сквозь девочку. Он считал своим долгом воспитывать её как можно строже и обязательно пенять на любой промах, невзирая ни на что, – иначе кто из неё вырастет?! Мама в таких случаях принимала его сторону. Мама и впоследствии ни в чём не поддерживала Октябрину, стараясь при случае уколоть любой мелочью.

После такого «воспитания» дочь чувствовала себя так,

словно на неё вылили ведро ледяной воды. Ей было неудобно, зябко. Она подолгу не могла согреться. Несправедливые обвинения превращали её нервы в лёд, таявший частыми слезами.

Ей захотелось уехать из дому лет в тринадцать, а, может, и раньше... Она мечтала об учёбе в другом городе, как о наиболее вероятном выходе из положения. Представляя свою будущую семейную жизнь, девочка не сомневалась, что уж отцом-то её детей будет тёплый и чуткий человек. Она же как мать не позволит себе оскорбительных для достоинства детей требований, поступков и слов.

Взрослея, Октябрина постепенно научилась отдельно воспринимать каждого из родителей. Она наконец разобралась: мама и папа – это два полюса. Они не уступают своих позиций, не вникают в интересы дочери. Внешняя благопристойность была им важнее реальности.

...Мама ругалась и ругалась. Весьма «тёплый» вечер накануне отъезда.

Хорошо зная маму, Октябрина видела: она переживает. Но не потому, что отец ушёл. А потому, что ушёл к молодой и уже беременной.

Уходя, отец сказал: «Я люблю эту женщину. Она напоминает мне ту, что была до тебя. Можешь меня не прощать. Ты

знаешь: моей вины нет ни в чём. Это нас догнало наше прошлое. Дочери при необходимости помогу, чем смогу. Перед ней в одинаковой степени виновны и ты, и я...»

Но мама не передала этих слов Октябрине, и дочь обиделась на отца, сочувствуя матери уже чисто по-женски.

Чутьём понимая, что происходящее сейчас приведёт к чему-то новому, Октябрина ощущала неясную тревогу, искала её причины, докапывалась до них, отгоняла прочь и... вновь погружалась в сегодняшнюю ситуацию. Легко ли будет справиться с ней девочке, не имеющей жизненного опыта? Но она давно привыкла к внутреннему одиночеству. Может быть, оно-то и помогало ей.

...И хорошо, что сейчас никто не догадывается о существовании Вадима. До поезда – чуть больше суток. Нужно собрать вещи, учебники, чтобы в чужом городе не метаться в поисках необходимого.

У неё есть своя комната. Небольшая и уютная, она расположена вдалеке от теперь уже бывшей родительской спальни. Каким чудом её деду удалось в трудные времена жёстких ограничений выстроить такой замечательный дом? Это лучший дом на их удалённой от центра города улице.

Октябрина вздохнула. Не успела окончить школу – навалилась взрослая жизнь, резко захлопнув дверь в детство. Вчера, на выпускном, ничто не предвещало столь мгновенных перемен. Родители, красивые внешне, выделялись среди прочих гостей элегантностью. Будто бы они – другого «те-

стозамеса», будто выпечены они из лучшей «муки». Вчера Октябрина любовалась ими.

И танцевали они красиво. И на отца восхищённо смотрели чужие мамы. Чужие папы с восторгом оглядывали маму. «А ведь уже знал, что уйдёт... Непостижимо!»

Добрых два часа девушка в своей комнате готовилась к отъезду. В доме стояла тишина. Забеспокоившись, Октябрина поднялась на второй этаж. Мамы в спальне не было. Она отыскалась в гостиной на первом. Укрывшись одеялом, мама безмятежно спала, уютно пристроившись на огромной тахте.

«Больной пошёл на поправку», – пошутила Октябрина и успокоилась: если мама спит, значит, о её состоянии не надо беспокоиться. Видно, не так уж сильно переживает, а больше накручивает себя, для какого-то ей одной ведомого призрачного «порядка». Шёл второй час ночи.

Глава седьмая

Птицы, весело гомонившие в саду, разбудили Октябрина в семь утра. Можно и подремать часика два. Октябрина попробовала это сделать, но сон улетучился. Хорошее настроение в ожидании вечера и отъезда, омрачилось, едва она вспомнила об отце и матери.

– Мама! Как там она?

Накинула поверх пижамы лёгкий штапельный халат в розовых цветочках по голубому полю – и отправилась в гостиную, где вчера, точнее, сегодня ночью, оставила спящую мать.

Там царил идеальный порядок. В спальне родителей – тоже. В доме никого. Пожав плечами, Октябрина вошла в кухню: может быть, здесь отыщется какая-то информация? Она не ошиблась. На обеденном столе белела записка. Крупные ровные буквы текста возвещали о текущих будничных делах, напоминая о вечернем отъезде Октябрины, рассказывали о мамином настроении. Судя по интонации написанного, оно было... хорошим.

«Странно», – отметила Октябрина, занимаясь завтраком.

Затем она прогулялась по саду. Срезала неяркие розы в небольшой цветочной теплице, пристроила по одной в красивые вазы в столовой, гостиной, своей комнате, на кухне и... в спальне родителей – пусть цветок тонкой красотой по-

радует маму, когда та вернётся. А когда она вернётся? Лучше бы попозже – меньше времени останется на разговоры.

Некоторое время Октябрина слонялась по дому, часа полтора провела в ванной, позанималась английским... Время ползло еле-еле. До вечера далеко, до поезда ещё дольше! Позвонил отец. Спросил, будто вчерашних событий не происходило:

– Собралась?

Октябрина ответила утвердительно.

– Я провожу тебя. Заеду в десять вечера, – голос отца был спокойным.

Октябрина не удивилась. Мог бы и не говорить. В их доме жизнь текла по расписанию. Проводы, их час и всю организационную последовательность родители определили заранее. Педантичный отец, руководитель небольшого, но важного предприятия, на котором делали что-то секретное, не допустит нарушения графика: «Хоть камни с неба, а мы должны...» – часто повторял он.

«Интересно, как это папа вышел из графика жизни? Как решился на роман? Роман?! У него?!» – Октябрина тихонько засмеялась.

Ей не удалось представить отца в роли пылкого влюблённого. Любовь? В таком возрасте?

Что эта девочка могла знать о любви? И о существовании страсти Октябрина пока не имела понятия. Всё придёт к ней в своё время. Отца она тоже поймёт, познав личные пережи-

вания.

Всё постигается в сравнении собственного опыта с чужими ситуациями. Всему явлено своё время. Пока же поступок отца её раздражал, вызывая непонимание и недоумение.

В тот временной период только с Вадимом она чувствовала себя защищённой. Однако с ним невозможно запросто встретиться, сходить в кино, погулять по городу. Нужно прятаться, а это для неё было душевным дискомфортом.

Книжная девочка. Её воспитание – дань родителей принятым в обществе взглядам. Она привыкла к дисциплине: если надо, – так и будет. Потому свои сегодняшние обстоятельства она должна перетерпеть ради любви к Вадиму. Там, во вчерашнем лесу, он сказал ей о своих намерениях. Она не очень-то и удивилась: разве может быть иначе? Зачем он так беспокоится? И без объяснений понятно. Они должны пожениться, самое позднее – через год. Так говорит Вадим, но может ли быть по-другому, если этого хочет Вадим! Правда, голос его почему-то время от времени становился тревожным. «Наверное, он не совсем уверен в моих знаниях и способностях, – объясняла это себе Октябрина. – Но ничего... Ничего... Всё выполняю, как он сказал».

Чтобы немного ускорить движение времени, Октябрина отправилась в центр города. Она заедет к подруге. Если та

окажется дома, они немного поговорят. А если подруги дома не будет, она зайдёт в библиотеку, полистает толстые литературные журналы. Вот бы когда-нибудь написать такое... такое... Чтобы в таком вот журнале – её фамилия! А потом бы написать роман! И чтобы все его читали! И чтобы – автографы! Лицо запылало. Ну и фантазии!

Она переделалась в новое пёстрое платьице предназначенное для лета в столице. Ничего! Пусть и родной город им полюбуется!

Тоненькая стройная девочка, с виду почти подросток, рассматривала себя в зеркале. В нём искрилась счастьем взрослеющая красавица. Октябрина схватила сумку, застегнула босоножки и вприпрыжку направилась к остановке.

Глава восьмая

Вадим не привык обрастать вещами. И в дорогу также брал только самое необходимое. Какой смысл тащить с собой припасы-прибамбасы. К тому же в академии всё есть. Вкусно, недорого и... дефицитно. Так что никаких долгих сборов!

Однако на улаживание некоторых формальностей на работе потребуется несколько часов. Ему назначено на четырнадцать.

А пока... Не теряя и минуты, Вадим кое-кому позвонил, назначив тёплое деловое свидание. Снятие физиологического напряжения в приятной обстановке – тоже работа. Он имеет на это полное право, потому как семьи пока ещё не имеет. Семья, он был в этом убеждён, святое для мужчины. Лёгкие связи на стороне при наличии семьи он называл пошлятиной, мерзостью и категорически отрицал.

Вадим бодро шагал знакомым маршрутом. Следующие два часа обещали немного «делового» счастья.

Женитьба во благо карьеры на неизвестной кандидатке Вадима не привлекала. Для него, неплохо разбиравшегося в женщинах и во всём, что с ними связано, важны были чувства. Чтобы сердце тянулось к сердцу, а душа к душе. Он был немного романтичным, и даже... сентиментальным. Суровые требования к чертам характера на его пути к заветной

цели по сути не позволяли открытости чувств. Осознав это, он, не без усилий, надел маску холодного и расчётливого человека. Войти в эту роль было трудно, но он работал над нею, казалось, и во сне. Нужно было притерпеться, и он притерпелся. Привыкнув не быть собой, внутренне он постепенно превращался в циника. Его взгляды на жизнь и собственное место в ней постепенно менялись. В конце концов осталось два главных желания: карьерный рост и женитьба на Октябре. Однако, если жизнь поставит его перед выбором, он знает, как поступит.

Ну а пока можно расслабиться. Потом лучше работает мысль, нормализуется и активизируется нервная система.

Дама была несколько полноватой, симпатичной, хорошо воспитанной. Возраст? Не первая молодость, но и не последняя. Как и всех предыдущих, её звали Нелей. Неля! С одним «л». Уютная женщина Неля. Сейчас речь не о любви, привязанности или душевных совпадениях. Партнёры в подобных случаях всегда были «взаимно вежливы». Почти как в магазине. Как продавец и покупатель. А чем не магазин вот это уютное казённое «гнездо»? Это тоже работа. Она оплачивается.

Вадим сдержал вздох. Ничего-ничего. Всё в порядке. Здесь не место волнениям и метаниям. Здесь нужны активность и ровность. Таковы правила.

Вадим смотрел как бы сквозь женщину. Говорил ей что-то милое, необязательное, немного шутил, слушал её приятный

щебет.

Он немного успокоился, и настроение его ненадолго, кажется, улучшилось, хотя неясное беспокойство по-прежнему царапало изнутри. А дальше как? Идти никуда не хотелось. И ехать тоже не хотелось никуда и ни с кем. Остаться бы с этой чудесной женщиной здесь дня на три, чтобы безвылазно, безостановочно освобождать себя от всего накопившегося, от всех тревог, ожиданий, забот.

Вот на такой «кандидатке» он женился бы с ходу, без раздумий. Она всё равно, что мать – без претензий и капризов. Обходительна, ласкова, терпелива. Научится ли его девочка такому вот обращению с ним? Она сейчас почти ребёнок. И такая чувствительная, такая ранимая! С ней не просто. Учить придётся долго и что-то в чувствах при этом обязательно потеряется. К этой бы женщине отдать её на выучку. Не прикипает ли он к ней? К этой мягкой Неле? И в самом деле, быть может, ему пора быстрее жениться? А может?.. Нет, у них не принято, чтобы «клиент» женился таким вот образом. Потому и встречи каждый раз происходили с новыми дамами.

Получилась какая-то глупая ситуация. Неля, Октябрина, начальство, реальность, планы, мечты... Послать бы всё это куда-нибудь подальше! И самому бы зарыться в песок. Устал! Он уже устал, а жить надо, работать надо. Надо вверх бежать, вверх, вверх, быстрее! Бежать, ползти, карабкаться! Это его цели, его реальность. Они навсегда. А пока – пере-

рыв на два часа.

Вадим отодвинул плотную штору – там, за стеклом, другой мир. Остатки утреннего тумана испарились, высохла роса на траве с какими-то полевыми цветами, деревья слегка покачивают ветками. Там, в другом мире, идёт совсем иная жизнь с дождями, снегами, солнцем, с сиреневыми туманами.

Сиреневый туман? «Сиреневый»... Лирика для красоты, глупость, одним словом. Туманы сиреневыми не бывают. Это противная сырость, микроскопические частички воды, сокращающие дальность видимости обзора.

...Ровно в два часа дня, свежий, как огурчик, Вадим предстал пред очами начальства.

– Отдыхаете? Дышите воздухом? – Вадим похолодел, но самообладания не потерял. – Правильно. Свежий воздух, а в ещё большей степени воздух лесной, полезен для здоровья, как физического, так и нравственного. А вот то, что вы были один, не приветствую. Друг не помешал бы. Лес всё же не город, где вы, как рыба в воде. Грибы-ягоды есть? – подемократичнело начальство.

Вадим забеспокоился. Экзамен на профпригодность он выдержал бы на «отлично». Но сейчас не сессия. И этот разговор куда хуже экзамена. Здесь не расслабишься.

– Никак нет! – чётко ответил Вадим, у которого вроде бы отлегло от сердца.

Кто засёк его в лесу? И как? Знают ли здесь об Октябре? Слабак, наверное, он, коли не заметил ничего подозрительного. Неужели «проколотся»? Последствия «прокола» могут быть самыми разными. Уж лучше б ещё в прошлом году всё рассказал. Всегда лучше по-честному. И о плохом, и о счастье.

– Так вот. Я пригласил вас для важного разговора. – Вадим насторожился: что-то идёт не по задуманному им плану. – Даю вам время на размышления и к такому-то сроку, – начальник назвал дату, – прошу доложить. Вам пора создавать семью. Мы полагаем, у вас никого нет на примете для этой цели, иначе бы мы уже проанализировали ваш вариант. Так вот... Ваша избранница должна отвечать определённым требованиям. Когда примете решение, назначим дату бракосочетания. Свободны!

Расстроившись так, как никогда прежде, Вадим отправился домой. Проиграл? Во всяком случае, на данную минуту ничего хорошего впереди не просматривается. Он обязан быстро разобраться в мелочах, ни одной не упустив из виду. После чего ему предстоит принять решение. «А может, подать рапорт об отставке?» – мысль, перечёркивающую будущее, связанное именно с этой работой, он тут же отогнал – выход должен быть другим. В чём же он? Нужно думать! Быстрее! Наивный мальчишка. Он собирался обыграть

очень сильных. Как? Он не знал.

«Слабые и сильные. Сильные и слабые. Кто вы? Откуда появляетесь? Куда уходите? Как становятся сильными? Как становятся слабыми? Кто пасует и сходит с дистанции? Почему? Куда они потом деваются? Чем занимаются? Кто идёт дальше? Каков их путь? В любой из ситуаций есть выбор, даже, если кажется, что его нет. Сильные люди – это стойкие личности. Они знают, чего хотят. Ошибаясь, они могут не тонуть в сожалениях, могут возвращаться, начинать с нуля. Слабые духом стонут и ноют, – размышлял Вадим, волею обстоятельств поставленный перед выбором, без сомнений относя себя к людям сильным. – Управлять ситуацией нелегко. Для этого нужно уметь получать информацию, сортировать её, анализировать, а нередко уметь оказываться и вне ситуации. В каких академиях этому обучают? Наверное, в жизненных! Как во всём этом разобраться? Да и не каждый на это способен. Я – человек. Какой я человек? И мой друг Сашка – человек. И Октябрина – ещё какой человечеще. А все остальные? Кто – они? Кто те, на кого работаю я? Кто мои родители? Кто мой дед, честнейший служака, – кто он? А кто наши правители? Стоп! На этом – стоп!» – скомандовал себе Вадим.

Сегодня его задача – вовремя притормозить, не вылететь за «бордюр» на крутом вираже ошибки, где легко расшибиться так, что забудешь собственное имя.

Глава девятая

«А что, если?.. Что, если позвонить Сашке? Он тоже сегодня собирается уезжать в столицу. Определённо: Сашка – это выход. Это может стать выходом. Если мы верно сыграем роли...»

Обдумывая варианты, Вадим оттягивал тем самым время звонка другу.

«Да выход ли – Сашка? Если я обращусь к нему, знать обо всём будут уже трое, и это много. Я, Октябрина и Сашка. Смешно, наверное, просить о помощи Сашку. Почему же смешно? Сашка – ещё... детсадовский друг. Он ни разу не подвёл. И здесь, надо полагать, не выдаст. Просто он может не согласиться. Но Сашка не такой. Да, верно, никто не поймёт ситуацию лучше старого друга. Значит... Значит, я могу довериться только Сашке».

Вадим двинулся к уличному телефону-автомату. Очередь из трёх человек. «Придётся ждать. – Сашка... Сашка – выход... Сашке я доверяю», – ещё раз повторил Вадим и бросил две копейки в узкое отверстие телефонной коробки.

– Я вас внимательно, – как всегда, дурачился Сашка.

– А если бы это было начальство? – вместо приветствия начал Вадим.

– А оно – только что...

– Но может ведь и ещё тобой поинтересоваться?

– Я – благонадёжный, – снова пошутил верный друг. И посерьёзnel: – Слушаю тебя.

– Время есть?

– Немного.

– Выходи, встречаемся в парке.

...Сашка вопросительно смотрел на Вадима.

Тот вкратце изложил суть дела.

– Не понял. Ты жениться не хочешь или не хочешь, чтоб узнали о твоей девчонке?

– Я хочу жениться на этой девочке, и ни на ком другом. Но до времени об этом никому не нужно знать! Если бы я год назад поступил по правилам, сегодня мы бы не создавали ситуацию сиюминутного знакомства. Теперь у нас, троих, если, конечно, ты согласишься, свои роли. Ты – случайный участник и свидетель. Да! Вот ещё незадача. Подозреваю я, что об Октябрине давно известно. – Вадим коротко обрисовал вчерашние и сегодняшние события, описал приставучего мужичонку, добавив:

– Появился, как ниоткуда. Я наблюдал из леса. Пришлось притвориться в стельку пьяным, а после делать ноги из электрички перед самым городом. Домой тащился пешком. Бедная девчонка, наверное, просмотрела все глаза!

– Запала в душу! Понимаю!

Вадим шутливо двинул Сашку кулаком в бок:

– Не то слово. Кто б сказал – не поверил. А тут начальство! Пора «замуж», говорит. Что б ты делал на моём месте?

– На твоём месте мне не быть. Сам знаешь. Моя жизнь давно устроена. Жену люблю. «Деловых» свиданий не заказываю. К тому же моя жена – наш человек.

– А Октябрина – что? Не наш? Скажешь тоже...

– Да не обижайся ты... Я согласен помочь. А вот если мужик был «засланным», тогда и мою карьеру поставишь под «ружьё», – несколько нервно пошутил Сашка. – Да ладно! Надеемся на лучшее, готовимся к худшему. Глядишь, пронесёт. Ну что? До вечера?

– До вечера! – повеселел Вадим, провожая Сашку долгим взглядом.

Много ли друзей в жизни? Раз, два и обчёлся, а то и вообще никого... Друзьями не разбрасываются, тем более, такими, как Сашка. Он – первый друг. Октябрина тоже друг, но друг – по-другому, любимая. У него есть ещё один друг. Настоящий, надёжный друг – его дед, бывший красный командир, ветеран всяческих войн. Но и он не должен знать подробностей о сегодняшних заботах взрослого внука.

Вадим, Сашка и Октябрина втроём проведут спектакль. Они разыграют ситуацию, поменяются билетами с кем-нибудь из пассажиров. В общем, эта «пьеса» пишется самодельными «драматургами» на «живую нитку», по ходу развития событий.

«Молись, чтобы всё прошло гладко!» – посоветовал себе Вадим.

Итак, в поезде он «познакомится» с Октябриной, «при-

клеится» к ней как обычный парень с улицы, назначит свидание, а там – всё, как у всех. Важно проскочить через наблюдение, если, конечно, он ничего себе не придумал. В глубине души шевельнулась тревога: не подставить бы Сашку. Ему-то есть что терять.

Вадим шёл домой. До отправления поезда оставалось пять часов.

Разрабатывая план, Вадим и Сашка не забывали, и о том, что любое действие непременно вызовет противодействие. Какое?! Они не осознавали, видимо, в силу молодости, и того, что понять механизм раскручивания невидимой опасности очень трудно, и дано не всякому.

В душе оставаясь взрослыми мальчишками, они увлеклись игрой, но каждый в разной степени. К ближайшему вечеру их вели авантюра и азарт.

Глава десятая

На деревьях беззаботно щебетали птицы-горожанки. По улицам разлетелся тополиный пух. «Рановато зацвели, – отметил Вадим, продолжая убеждать себя в правильности составленного им сценария предстоящего приключения. – Я не должен ни в чём сомневаться».

Забыл он или нет, но, увы, выпустил из внимания то, что сомневаться-то он, может быть, и не обязан, да вот истина о том, что одна маленькая ложь способна повлечь за собой лавину неправды и привести к роковым результатам, явно в эти дни была не с ним.

Точка! Не поворачивать же вспять! В тайну посвящён друг. А если ничего не получится? И сам Вадим загремит в неприятности – их можно классифицировать по-разному, смотря кто в них начнёт копать, – и основательно подставит Сашку. Вадим посерьёзnel: это не игра. И тот, вчерашний мужичок, на платформе, и сегодняшние слова начальника... Или ему всё это мерещится?

«Может, и так», – думал Вадим, открывая дверь квартиры. Дома никого не было. Родители давно не задавали ему вопросов. Ах да! Вспомнил! Вечером родители собирались на чей-то юбилей. Сын не малое дитя, способен позаботиться о себе. Он всё умеет: стирать, гладить, готовить, водить машину, консервировать фрукты-овощи с загородного

участка.

Вспомнив мамины напутствия, Вадим улыбнулся. Мама... Она чудесная. А какая красавица! Сколько в ней такта и твёрдости. Всё понимает без споров, без объяснений, нотаций, поучений. А отец! Это его заслуга в том, что Вадим вырос уверенным в себе человеком, физически развитым, умеющим брать на себя ответственность, анализировать, систематизировать. Ему повезло с родителями. Они словно две половинки единого целого. Теперь-то он понимает, что мать с отцом ещё молоды. Теперь он не ревнует их, как когда-то в детстве, ко всем подряд. Родителям нужна их жизнь, с их знакомыми, с их юмором, с их музыкой и взглядами. Вадим нежно любил родителей. Они общались с ним на равных с детства, серьёзно относясь ко всему, связанному с сыном. Они в него верят. Они его надёжный тыл.

Вадим позвонил деду. Тот тонко чувствовал малейшие колебания в настроении внука. Если оно, по его мнению, оказывалось не слишком хорошим, то так проводил беседу, что поневоле улыбнёшься. Отличный стратег, дед его был самым настоящим доморощенным миротворцем. Кого только не примирял за свою жизнь! Будучи хорошо осведомлённым о красноармейском прошлом деда, Вадим диву давался: как смог этот добрейший человек выжить в нечеловеческих условиях нескольких войн и всех свалившихся на страну тягот?! Как они выстояли? Как сумели возродить страну? Как воспитали преданных ей и патриотичных людей? В послед-

ние годы так много говорят о внутривластных распрях, о неправильностях решений самых главных руководителей! Чему верить, а что не воспринимать? Кто достоверно знает, как именно всё обстояло на самом деле? Кому дано право судить и оценивать? А может быть, «новые данные» – это чьи-то выдумки? Для чего? Возможно, кто-то запускает их в общество, чтобы опорочить наше прошлое и настоящее? Вадим не знал ответов, ведь он не жил в те годы, а историю изучал по официальным источникам.

– Алло! Дед! Это я, Вадим! Как живёшь?

– «Хоккей»! Так, что ли вы сегодня говорите?

– Приблизительно так. Что новенького?

– А что у старенького состоится новенького за полдня, что мы с тобой не разговаривали?

– Мало ли! И не кокетничай! Никакой ты не старый.

– Ну и не юный. А ничем особенным я и не занимался. Газеты смотрел. Радио слушал. Оказывается, у нас всё отлично. Планы перевыполняются, люди счастливы! Ну-ну... Не волнуйся... Это я брюзжу. Не нравятся мне эти «вновь открывшиеся» исторические факты. Зачем они их публикуют? Надо строить лучшую жизнь, с учётом прошлых упущений, согласен. Но зачем бросать в прошлое комки сомнений?.. А за молодого, внук, спасибо. У тебя-то как? Что-то мне твои интонации не очень нравятся. Хоть и бодрисься!

– Может, прогуляемся дед? Ещё разок разомнёшься?

– Идёт, – согласился дед.

Встретились на полпути между их домами. Свернули к скверу. Расположились на одной из скамеек вдали от основной пешеходной дорожки.

Вадим вкратце рассказал о планах на ближайшие часы, не выделяя деталей. Дед задумался.

– Наверное, что-то идёт не совсем так, как ты задумал, где-то что-то ты упустил. Веди себя естественно. Наблюдай. Окажись вне ситуации, не втянись в её эпицентр. Не мне напоминать об этом. Приглядиись.

– А с девушкой как же быть?

– Вариант знакомства смахивает на детскую игру, но сам по себе неплохой. Что ж, или рискни, или откажись. В друге своём уверен?

Вадим кивнул. Сейчас он совсем не походил на гитариста из парка. На любимца женщин тоже не тянул. Что-то ему мешало. И он не понимал, что именно.

Глава одиннадцатая

Сашка-Александр был самым надёжным человеком из окружения Вадима. Детсад и школа пройдены рука об руку – вроде не очень серьёзно. Но судьба явно желала их дальнейшего сближения. Окончив разные высшие учебные заведения, вскоре они оказались на работе в одном учреждении. Занимались разными вопросами. Александра на год раньше направили учиться дальше. Видимо, начальство рассмотрело в нём что-то важное для себя...

Сашка-Александр, чья порядочность ни у кого не вызывала сомнений, строил жизнь самостоятельно. Его вырастила мать, душевная женщина слабого здоровья. Денег у них было немного – едва хватало на самое необходимое. Сашка, тогда ещё почти мальчишка, отыскал в недалёкой деревеньке заброшенный бабушкин дом. Люди добрые из сострадания помогли его подремонтировать: так, чтобы не капало с потолка и чтобы с весны до осени можно было бы спрятаться от непогоды, передохнуть от работы на земле и переночевать.

Сашка в одиночку поднял небольшой огород. Он освоил нехитрую науку выращивания овощей-фруктов. Дома появились свои картошка, капуста, морковка, свёкла, помидоры-огурцы, сливы, груши, яблоки. В урожайные годы мать их продавала на рынке или соседям в городе. Это стало подспорьем для их крохотной семьи.

Сашка активно занимался спортом. К семнадцати годам вырос в симпатичного молодого человека мужественного вида. Девчонки почему-то его побаивались. Парни уважали за смелость и прямоту. Он умел быть и оставаться собой. Женился Сашка-Александр, на втором или на третьем курсе института, в двадцать лет, на однокурснице. После институтского распределения они попали в один отдел завода и вскоре, опять же, обоих, перевели в их общее с Вадимом ведомство.

Танюшка, Сашкина жена, несмотря на внешнюю хрупкость, обладала сильной волей, упорством и стальным характером. Их с Сашкой судьбы были похожи, как капли воды. А познакомились они в той самой деревне, где оба работали на земле. Они быстро срослись и с землей, и друг с другом. Институтские дипломы получали с полугодовальным сынишкой на руках. Мальчонка тарасил голубые глазёнки, смеялся каждому, кто с ним общался, умиляя виновников торжества и гостей. Сашка и Танюшка были словно созданы друг для друга. Они умели отличать добро и зло, тщательно оберегая семью от неприятных внешних воздействий. И надеялись лишь на себя.

...Так что Сашка действительно рисковал, согласившись помочь Вадиму. Понимал это и Вадим, правда, уколы лёгкой

укоризны он быстренько выпроводил из себя – авось пронесёт! А как не «пронесёт»? Ну что ж! Сашку простят быстрее, чем его, Вадима. Сашка на очень хорошем счету. Вадим – просто на хорошем. Разница между этими определениями – существенна. Хотел бы Вадим быть на очень хорошем счету. Он собирался поднажать в работе, чтобы получить больше симпатий начальства. Для достижения цели нужно уметь правильно прогибаться. Но прогибаться ему было неинтересно и противно.

А если нужно? Если без «прогиба» ничего не сдвигается? Что делать? Не просиживать же судьбу на каком-нибудь заводишке в заштатном бюро, где даже крохотного повышения ждут лет по двадцать, не имея никаких надежд на дальнейшие перспективы!

Придётся, хочешь не хочешь, считаться с действительностью. Роль рядового исполнителя была Вадиму не по душе. Давала о себе знать наследственность, где непокорность характеров во всех поколениях оставалась главным признаком. Печальная участь в разные исторические периоды постигла не одного родственника этого молодого человека. Дед уцелел каким-то чудом. Наверное, повезло.

Разговор с дедом ненамного унял сумятицу души. Пожалуй, лучше было бы отказаться от придуманного «представления» со знакомством. Но... Эта девочка – особая страница его пока небогатой биографии. Он сумеет объясниться с начальством, если что. Сумеет убедить его, коли опять зайдёт

речь о женитьбе, что лучше Октябрины для него сегодня никого нет. Жаль, не догадался просмотреть кое-какие документы. Глядишь, разузнал бы о её семье подробнее и лучше бы владел обстановкой.

Вадим повеселел. Вошёл в квартиру. Родителей не было – ясное дело, юбилей. На кухне долил воды в чайник, зажёл газовую горелку, собрал вещи в дорогу. Их немного, как обычно. До поезда три часа. Медленно сегодня идёт время. Уже столько успел, а сколько ждать! Чем заняться? Взял с полки синий том Сименона. Психологические изыски умозаключений комиссара Мегрэ показались ему наивными и старомодными. Чайник!.. Вадим налил чаю в красивую и очень старую фарфоровую чашку-долгожительницу. Такая хрупкая! Как она держится в хозяйстве? Мысли не оставляли его. Интересно, что бы предпринял французский сыщик в ситуации Вадима? Ответ не находился. Вадим стал думать о других делах.

Сашка тоже собирался в путь. Всем троим: ему, Вадиму и этой девочке – предстоит испытание. Как они справятся с ролями, так и сложится будущее, которым Сашка дорожил. В свои двадцать шесть он хорошо знал и о том, каким дорогим может быть любимый человек, как важно не потерять его; как порой необходимо ради него рисковать.

Глава двенадцатая

Октябрина вернулась из «библиотеки» довольно быстро. Всё-таки впереди дорога, нужно перепроверить, не забыла ли чего. Она открыла дверь своим ключом, почти бесшумно прихлопнула её.

Услышав голоса в гостиной на первом этаже, Октябрина прислушалась: кто пожаловал? А-а-а... Так и есть. Мамина подруга, Марь Ванна, пришла покапать слезами в мамину отвергнутую душу. «Скорее бы поезд», – посетовала Октябрина еле ползущему времени. Марь Ванну она терпела, так как та много лет считалась другом семьи. Её грубоватые подшучивания нередко коробили Октябрину. Но положиться на эту громоздкую тётку было можно – ничего не выдаст никому и никогда, хоть пытай её, хоть жги калёным железом.

Октябрина собиралась было незаметно проскользнуть в свою комнату, но тут до неё кое-что донеслось. Она замерла у двери. Противница подслушивания, девушка остановилась и сдвинуть её с места в ближайшие минуты вряд ли кому-то удалось бы. Мама говорила негромко, но отчётливо. «Как диктор на радио», – отметила девушка.

– Этого я ожидала столько, сколько лет Октябрине. Я чувствовала: что-нибудь обязательно случится.

– Сама беду и притянула. Меньше надо было об этом думать и бояться, а лаской надо действовать, лаской, даже ес-

ли и с души воротит, – ворчала Марь Ванна. – Когда б перетерпела, когда б сама приластилась. Глядишь, притянула бы к себе. Мужчина он неплохой, опять же, ответственный работник. Ну так мужиком остаётся и генерал, и министр, и забулдыга. Как хлебнёт от ласки женской – так не оттащишь. По себе знаю, как их лучше-то прибирать к рукам. Видно, допекла ты его, раз на молоденькую девицу польстился, не сдержался да и ребёночка ей сварганил. Молодая девчонка – это сладко, да ведь и мы не лыком шиты, умеем чего и побольше. У неё что! Тельце молоденькое! А у нас опыт. Вон у меня, помнишь, сразу два молодых было, чуть в дверях не сталкивались – не оторвать. Так я ж ласку не жалела. Купленная она у меня, что ли?

– Что ты такое говоришь, Маша... Как ты выражаешься! «Сварганил»! Влюбился он. Он не такой, чтобы «варганить». Влюбился и не устоял. А насчёт молодых – согласна. Один раз и у меня был молодой парнишка. Ой! А знаешь, как? – мама оживилась, голос её повеселел. – Ходили мы на свадьбу. Дружок жениха меня пригласил танцевать. Раз пригласил, второй, третий. А тут чувствую, сама понимаешь. Вышли мы воздухом подышать, ну я и не удержалась, прямо в саду! Как в космос полетела! Как новая стала. Этот мальчик потом приходил ко мне ещё несколько раз. Вот и весь мой женский опыт. Возможно, с этим молодым человеком я и узнала силу плотской любви и страсти. Муж мой... бывший теперь... Глеб, тоже имеет право на любовь. Была ли

она между нами? Не знаю. Короткая страсть была, но до того, как поженились.

– Твой-то? Влюбился? Этот сухарь? Влюбился! Да знает ли он что-нибудь о любви-то?!

Октябрина тихо изумлялась. Ну и мама... Ну и папа... Ну и Марь Ванна!!! Эта мамина подруга давно казалась ей совсем старой лошадю. Конечно! На целых десять лет она старше мамы. А ей любовь подавай... Ну и дела! Октябрина покраснела, ей стало жарко. Она заволновалась. Но слушала дальше.

– Знает Глеб о любви, – ответила мама. – Хорошо знает, не понаслышке. Чего уж там! Слушай тогда... Расскажу, раз так... Ты этой истории не знаешь. Ты ж позже сюда приехала. У него была девушка. Она же нас и познакомила незадолго до их уже назначенной свадьбы. А я, знаешь, была такая смелая, на грани отчаянности. Ничего не боялась. В общем, мы с девчонками поспорили, что я его отобью. Ко мне многие ребята подъезжали. Я была такая яркая, статная – всё при мне: и рост, и фигура. Да и сейчас я, видишь ведь, очень даже ничего... И лет мне немного. Октябрину родила и девятнадцати не было. А тогда – волосы ручьём до колен. Мне семнадцать с половиной, учусь в медицинском техникуме. Это уж после наш медицинский окончила. Глеб заставил. А тогда он только что вернулся из армии. Высокий, широкоплечий, остроумный. Вскоре после знакомства я пригласила его с девушкой ко мне на чай. Девушка задерживалась в институ-

те, и отправила его одного. Я пекла пироги. Я ж прирождённая хозяйка... Вот у дочки этого нет... Витаает где-то в облаках, истории сочиняет. Пишет, пишет... Может, она не совсем в себе? Так я водила её к психиатру. Он ничего не обнаружил. На меня даже как-то странно посмотрел... А что я?! О ней же забочусь. Всё для неё! Кому нужна эта писанина? Не понимаю. Ничего не понимаю... – Октябрина слушала мамины слова с обидой и нарастающим удивлением. – Да... У меня тогда парень был. Хороший парень, добрый. Уже окончил офицерское училище, начал службу – постарше меня лет на шесть... Или на семь... Точно сейчас не помню... Мы собирались пожениться, когда мне исполнится восемнадцать... Любил меня без памяти, а я его любила, казалось, больше жизни. Но он уехал на уборку урожая, куда-то на восток. Тогда многих посылали туда. Армию – в первых рядах. Ну и вот. Словно бес попутал, словно кто перечеркнул мою судьбу! А поспорили с девчонками знаешь, на что?

– На что? – переспросила Марь Ванна.

– Смешно говорить... На большой арбуз. Вспомни, какое было время! Ни денег ни у кого нет, ни еды в достатке... И тут – чудо! Зима в самом разгаре! А к нам тогда привезли огромные арбузы из Средней Азии. В первый раз! Хотелось так, что сил не было... Так вот. Сроку мне дали мало – два дня всего. Нужно было сделать так, чтобы он от меня ни на шаг. А потом мы бы ему объяснили всё, как полагается. Нужно мне было его собою увлечь. Всем хотелось арбуза.

Сколько раз потом думала: почему ж не пошли и не купили? Скинулись бы и купили... Спор дурной организовали... Ну и что ты думаешь? Я не особо хитрая-то и сейчас, а тогда что? Девчонка и есть девчонка. Ничего такого я не придумала – попросила помочь с маленьким ремонтом. Карниз для занавесок сломала перед самой встречей. Вот в тот же вечер всё и произошло. Когда его девушка пришла, мы вида не подали. Он был неопытный. Я была неопытной. Но разобрались. Он оказался таким горячим, ненасытным... это я сейчас понимаю. А тогда было интересно. С первого раза у нас всё и получилось. Ярко! Мне очень понравилось. Меня к нему тянуло каждую минуту. Это потом мы быстро остыли, после свадьбы. Очень скоро я поняла, что уже не одна... Я, конечно, не рассказала девчонкам подробностей. Они сами сообразили. Но молчали. Он приходил каждый день. А я как представлю его – так вся дрожу. Короткая страсть моя как родилась, так и сгинула. Его девушка не была моей подругой, просто знакомая девчонка. До сих пор себя корю – зачем соглашалась на тот глупый, никчёмный спор? Он к ней на свидания перестал приходить. Тут я и сообщила ему о беременности. Отнесли в загс заявление. Свадьба прошла тихо. Медового месяца вроде как и не было. Всю его страсть ко мне как кто сглазил. А девчонка его потом отравилась, но её откачали. Она осталась инвалидом. Он совестью и мучается. Денег ей посылает. Так что всё закономерно. За всё нужно платить. Пришла и моя очередь. Вот это и есть моё наказа-

ние за ту шутку.

– Дела-а-а... – Марь Ванна пригорюнилась. – Судьбу на коне не объедешь.

– Ох, Маша, смотря какой этот конь-то.

Мама Октябрины, наверное, решила выговориться за все годы мучительных одиноких переживаний:

– После того несчастного случая с его бывшей девушкой мы с ним стали как чужие. Он хотел сына. Когда дочка родилась, немного потеплел. Нянчился с нею. Однажды сказал мне, грубо так: «Вот уж ей-то глупые шутки в голову не придут! Я сам её воспитаю. Она вырастет порядочной девушкой и будет порядочной женщиной!» Меня будто кипятком облили. Потом я потихоньку, чтобы он не видел, много плакала. Да что ж поделаешь! Сама виновата. А он девчонку воспитывал строго – слова ласкового не говорил. Изредка разве что. Думаю, мы ей дали мало тепла. Я тоже – вся в думах. Она росла вроде в стороне от нас: сыта, обута, одета не хуже других, но в фантазиях витает. Мне её и жалко бывает временами, а больше – раздражает она меня. Верить ли? Вот и дочь. А любви не чувствую. Знаю: надо любить, а сердце холодно. Отец вроде больше её любит. Из-за неё у меня всё пошло наперекосяк. Не забеременей я тогда! И говорить стыдно. Не знаю, люблю ли её. Делаю вид, что люблю. Разумом понимаю, да сердце к ней не лежит. Раздражает она меня буквально всем. Так бы и прибила порой! Видишь, сколько лет так пролетело. Жалко молодости.

– Насчёт дочки ты зря. Дитя не виновато. Оно на свет не просилось. А вот насчёт тебя самой... Выживешь! Беда, если б ты его любила, а так у тебя сейчас – просто досада. Пройдёт. Так и мы ж ещё не стары! Тебе до сорока сколько ещё! Ты в самом соку! Красавица – посмотри на себя! Ещё и встретишь кого... А тот парень-то твой что же? Который на уборку урожая-то ускакал?

– Да была б одна – убил бы. Люди его удержали. Вернулся, а у меня уж и живот не спрячешь. Всё понятно. Смотрел с презрением. Когда девочка родилась, уехал. Сейчас живёт на Урале, генерал. Два мальчика у него моложе моей. Он тогда уже старшим лейтенантом был, когда уезжал... Написал рапорт. Просил перевести в далёкий гарнизон. Ну его на Север, в Заполярье отправили, а там служба по-другому идёт. До сих пор его люблю. Как подумаю, что его дети могли быть моими, не нахожу места. Не поверишь, люблю этих детей, хоть никогда не видела. Стараюсь о них не думать. Заходится душа. А лет пять назад проездом был у нас. Десять минут и виделись. Просил прощения. Говорит, глупый был, молодой. Надо было простить, забрать с собой. И я просила прощения – тоже глупая была, неопытная девчонка. Что с меня возьмёшь!

Ошеломлённая услышанным, Октябрина отворила дверь своей комнаты. Теперь она знает о причине холодности матери, теперь способна объяснить её внезапные вспышки ярости и гневливости по отношению к себе. Понятна и строгость

отца. Её неяркое детство ушло в прошлое. Она, неизбалованная любовью родителей, должна надеяться на себя. На себя! Только на себя! Октябрина заплакала. Что же это такое! Родители для неё – главные, самые авторитетные люди. Но она всегда доказывает им, что она тоже человек. У неё есть права на самостоятельность и хотя бы на какую-то свободу. Её почти не хвалили, воспитывали, поучали, ставили на место, приводили в пример каких-то девочек и мальчиков.

Ещё в раннем детстве Октябрина хорошо усвоила, какой она должна быть, а какой быть не должна. Она уходила в мир книжных героев. Представляла себя Ассоль или Золушкой. Время от времени становилась королевой Марго, иногда – принцессой несуществующего Золотого государства, где все живут в одном гармонично выстроенном мире. Там всё хорошо. Там ни за что не надо бороться. И постепенно этот мир разрушается, а счастье уходит в никуда... Сказки. Это её сказки.

В мире, где живут она, Вадим, родители, другие люди, так не бывает. Немного бы улучшить этот мир или создать свой, где все счастливы и хорошо понимают друг друга. Таким золотым микромиром непременно станет её будущая семья. Уж она-то постарается сделать для этого всё возможное и невозможное.

Октябрина проверила вещи... Скоро заедет отец, отвезёт на вокзал, проводит до вагона. Грустно. Отцу и маме было плохо вместе. Хорошо ли ему сейчас? Октябрина желала от-

ду счастья. И незнакомой девушке, его любимой, – тоже.

Она отворила окно в сад, впустила в комнату вечер. Ее любимцы фруктовые деревья что-то нашёптывали, шелестя листвою: счастливую дорогу? счастливую любовь?

Обострился аромат цветов на клумбе. Всё, как всегда. «Нет, – подумала Октябрина. – „Как всегда“ больше не будет. Наша семья изменилась. У всех началась новая жизнь. Наверное, я не скоро сюда вернусь. Мой дом был не очень тёплым. Но это – мой родной дом. В нём остаются мои маленькие радости. Маленькие радости – большое счастье моей души...»

Весело улыбаясь, она вошла в гостиную.

– Вернулась? Собралась? – вежливо спросил голос мамы.

Глаза мамы оставались равнодушными. Мама выполняла долг. Она столько лет несла ношу, как тяжёлый крест на свою личную Голгофу... Наверное, у любого есть высшая точка для самых тяжёлых испытаний. Который год мама тащила свой жизненный груз. Глупая шутка! Какой-то арбуз... И – поломано столько судеб. «Нельзя поддаваться обстоятельствам! Надо беречь любую мелочь хорошего в своей судьбе, любую песчинку добра... – противилась Октябрина услышанному. – Моя жизнь выстроится иначе. Я сберегу любовь. Не сломаю своей судьбы. Буду терпима и терпелива».

С улицы просигналила «Волга». Водитель молча взял вещи. Мама проводила до порога, не переступив его. Поцело-

вала, едва коснувшись губами лба дочери. Октябрина улыбалась. Она оставалась хорошей дочерью.

Папа, не такой, как обычно, сидел на первом пассажирском сиденье.

– Готова? – спросил строго, не допуская и сейчас ничего похожего на сантименты. Дочь кивнула. – Поехали!

Город жил привычной летней жизнью. Машина словно самолёт летела по вечерним улицам. Лёгкий ветерок шевелил волосы отца.

Глава тринадцатая

Перед вагоном, в котором Октябрине предстояло «познакомиться» с Вадимом, толпился молодой народ. Стройотрядовцы мединститута отправлялись за доли и леса в летнюю студенческую романтику. Девушка немного отвлеклась, кивнула в сторону молодёжи, обратившись к отцу:

– Если всё удастся, и я через год тоже куда-нибудь поеду.

– Поедешь, – отстранённо усмехнулся отец. Дочь чувствовала, что мысли его сейчас далеко от этого перрона. – Конечно, поедешь... Так вот что я обязан тебе сказать. Прошу тебя понять меня. Время проходит быстро. Ты очень скоро станешь по-настоящему взрослой. Нет большего счастья, чем встретить любимого человека и быть взаимно любимым. И друзья, и профессия, если по-честному, ничто без личного счастья. Ты выросла. А была необычным ребёнком. Ты была взрослым ребёнком. Желаю тебе встретить свою любовь и сохранить её. Ты чуткая, тонкая, восприимчивая. Тебе будет непросто. Но знай: ты – моя дочь. Я приду на помощь, если она тебе потребуется. Помни: в жизни в основном нужно надеяться на себя. Думай больше. Не спеши с выводами. Будь осмотрительнее. Женщине жить намного сложнее, чем мужчине. Оставайся женщиной по сути своей. И знай, что ты красавица. Перед трудностями не пасуй – они когда-нибудь заканчиваются. Если же станешь их бояться, они забе-

рут тебя в свои сети, и вряд ли тогда ты из них выпутаешься. Тебе же при твоей человеческой глубине будет многократно сложнее. У нас, да, пожалуй, и нигде, не любят тех, кто в чём-то выше, у кого что-то получается лучше. Не любят тех, кто талантливее и чище, тех, у кого развито чувство собственного достоинства. Я хорошо это знаю по своей работе. Редко кому из таких людей удаётся вырваться из общественных тенёт. Не теряй достоинства ни в чью угоду. Оставайся собой. Ну а я помогу, чем смогу, если, конечно, не произойдёт чего-то непредвиденного... И прости, что давал тебе мало отцовской ласки.

Кажется, голос отца дрогнул.

Загудел локомотив. Отец обнял Октябрину, легонько подтолкнул к вагону. Проводница торопила пассажиров с посадкой. Угловым зрением Октябрина заметила, как немного в стороне, почти рядом с вагоном, вдруг как из ниоткуда выросла фигура Вадима. С ним был высокий симпатичный парень. Смеясь, они о чём-то разговаривали.

Отец неловко поцеловал Октябрину, прошептав на ухо:

– С Богом! Удачи! Не принимай скоропалительных решений. Если что, звони мне.

Редкая отцовская ласка растрогала Октябрину. Глаза защипало. Она поспешила к вагону. Отец подал чемодан и связку с учебниками. Через две минуты поезд тронулся. Только что включённые вокзальные фонариплыли мимо, провожая и молчаливо напутствуя пассажиров. Вот они всё

дальше, дальше... Вместе с ними уплывает и детство... Фигурка отца показалась одинокой, неприкаянной. Октябрина никогда не задумывалась о его возрасте. Ведь ему чуть за сорок. Мама родила её около или после девятнадцати. Отец на три года старше. Или на четыре? Октябрине хотелось плакать. Она никогда не придавала значения возрасту родителей. Вокруг гомонили студенты. Забренчала гитара. Парни и девушки стройно выводили: «А мы едем за туманом, за туманом, за лесами и за запахом тайги...»

Пробравшись к своему креслу, Октябрина увидела Вадима. Сделав вид, что не знает его, попыталась было приподнять чемодан, чтобы пристроить его на сетчатой полке для вещей. Вадим оказался тут как тут:

– Какая симпатичная девушка! Разрешите-ка, помогу! – молодой человек уверенно пристроил вещи.

– Это ваше место? – Спросил он. Октябрина кивнула. – А что это вы такая грустная? Небось, поступать едете, боитесь провалиться?

– Угадали, – выдавила Октябрина, пока не войдя в роль так, как того требовала их «пьеса». Ей хотелось быть как можно незаметнее. Соседнее кресло пустовало.

– А я уже в столице учусь, – сказал Вадим. – Может, познакомимся? Меня зовут Вадим... Саня, иди сюда! Тут девушка симпатичная не хочет знакомиться... – Сашка-Александр как бы нехотя, но заинтересованно, подошёл. Вадим представил его: – Александр – мой друг.

Со стороны знакомство выглядело естественно.

– Девушка! Мне ваше лицо знакомо! – шутил Вадим согласно своей «роли», которая ему явно удавалась. – Девушка! Я где-то вас видел! Можно я здесь посижу? Место свободно.

– Нечего к девушке «клеиться», – размеренно сказал Александр. – Это место – моё. Вот билет. Сашка повертел коричневым картонным прямоугольником. Вадим вчитался:

– Твоё, везунчик! Давай поменяемся! Тебе незачем знакомиться с девушками.

Октябрина старалась недоумённо и вопросительно глядеть на обоих.

Вадим пояснил:

– Женатик! И сынок растёт... Так как? – он вновь обратился к Сашке.

Тот как бы нехотя поменялся с ним местами. Они не заметили, что за ними наблюдает худощавый и аккуратно одетый невысокий мужчина средних лет. Если бы он был одет иначе, то его можно было бы принять за незнакомца из леса.

Вадим исподтишка разглядывал попутчика. Он или не он? Отчаянно похож! Бывают же такие совпадения!

Поезд постукивал колёсами. За окнами темнел нескончаемый лес. Там, впереди, к дороге медленно летела звезда. Но почему-то никто не загадывал желаний. Поезд торопился догнать сверкающую точку и никак не мог угнаться за ней. А потом набежало ночное облако. Октябрина задернула лёгкую шторку, прикрыла глаза.

Пассажиры постепенно затихали. Приглушили верхний свет. Раздался первый негромкий храп. Вадим погладил руку Октябрины. Прошептал:

– Я тебя люблю.

– И я люблю тебя, – ответила Октябина.

Нажав на кнопочку в подлокотнике, Октябина откинула кресло. Почти как в самолёте. Один раз в каникулы она летала с отцом на юг, к морю. С грустью подумав об отце, удобнее пристроилась в кресле. Вскоре они с Вадимом задремали.

...Ранний солнечный луч рассекал вагон по диагонали. Подмосковные перелески мелькали за окнами вперемежку с платформами для остановок электричек.

Внутреннее радио похрипело, а, настроившись, сказало звонким женским голосом:

– Граждане пассажиры! Поезд прибывает в столицу нашей Родины город-герой Москву!

Население вагона как по команде всполошилось, засуетилось... Выглядело это несколько комично. Так, будто через секунду всем одновременно нужно выпрыгнуть отсюда. Диктор продолжала:

– Напоминаю, граждане пассажиры, о том, чтобы вы внимательно проверили ваши вещи и ничего не забыли в поезде. Приятного пребывания в столице!

Сразу же всех всколыхнул бодрый жизнеутверждающий марш:

– «Утро красит нежным светом стены древнего кремля,

просыпается с рассветом вся Советская страна...»

– «...Холодок бежит за ворот, шум на улицах сильней. С добрым утром, милый город, сердце Родины моей!» – весело вполголоса пели, выскочив на перрон, Вадим, Октябрина и Сашка. Они радостно переглядывались.

– Эй, ребята! Вы не забыли? – приостановил темп Вадим. – Нам же надо доиграть роль.

– Да хватит тебе, Вадим! Надоела твоя конспирация. Сейчас другое время. Мы ничего плохого не сделали.

– Я настаиваю. Давайте-ка по порядку! – Вадим опять принял безмятежный вид: – Саня! Я провожу девушку! Девушка! Не отказывайтесь! Ничего не получится. Я не отстаю. Смиритесь! Куда ехать? Ты, Саня, можешь топать. Иди, шагай к семье! Картошки-то прихватил с дачи?

– Прихватил старой. Новая ещё растёт, – помахав рукой Вадиму и Октябрине, Сашка ускорил шаг и скрылся в метро.

Молодые люди шли по столице. Свернули за здание вокзала, миновали несколько кварталов и вскоре оказались около подъезда московской десятиэтажки.

– Какая квартира? – спросил Вадим.

Октябрина назвала номера квартиры и телефона. Вадим запомнил.

Чуть поодаль за ними наблюдал со вкусом одетый попутчик, чем-то очень похожий на человека из леса.

Глава четырнадцатая

Люся, мамина подруга, радостно встретила Октябрину. Она торопилась на работу, потому «ценные указания» давала на ходу:

– Чай, кофе – в полке на стене. В холодильнике масло, сыр, молоко и всё остальное. Ешь, что понравится. У тебя как с аппетитом? Что к ужину купить вкусенького, московского?

– Аппетит у меня обычный, что будет, то и съем. Вот, мама передала деньги на питание.

– Хорошо, спасибо, положи на шкаф. Возьми ключи. Не забудь номер телефона. И рабочий мой тоже запиши. Звони, не стесняйся. Это – Москва, не забывай. Здесь другие темпы, ритмы, отношения. И никому ни до кого нет дела – у каждого москвича хватает своих забот. Ну, пока!

Мамина подруга захлопнула входную дверь, затем в подъезде глухо загудел лифт.

Небольшая квартира Люси состояла из двух смежных комнат, вытянутых вдоль торцевой стены дома. Уютная кухня с цветами в нарядных глиняных кашпо. Раздельный санузел. Уютно. Тихо. Октябрина чувствует себя здесь дома. Только сада нет и високовато.

Судьба Люси сложилась непросто. Оба её мужа погибли с какой-то странной закономерностью в локальных военных

действиях за пределами страны. Первый – давно, ещё в конце в пятидесятых. Благодаря мужу Люся молодым врачом попала в столицу, полюбила этот не со всеми приветливый город. Второй муж Люси пропал без вести всего три года назад, во Вьетнаме – а ведь по официальным данным там не было наших военных действий. Люся не верила успокоительным словам, не надеялась увидеть его живым. Обоих мужей помнила, обоих жалела. Внешне отойдя от боли последней потери, стала проводить время в театрах, на концертах, в музеях. Много читала, жила для себя. У неё не было родственников – выросла в детском доме. Люся безропотно задерживалась на работе, кого-то подменяла, кого-то выручала. Она любила своих больных со всеми их капризами, причудами, а порой и наивностями, входила в положение коллег.

И Октябрину Люся тоже любила, называя маленьким солнышком. Октябрина отвечала ей взаимностью. Они легко находили общий язык. Им всегда было интересно вместе. В детстве Октябрины они вдвоём подолгу гуляли по старой Москве, забредали в удалённые уголки и – фантазировали. Люся напоминала большую девочку. А вот мама Октябрины не очень-то одобряла демократичность подруги и её общение с девочкой на равных.

О том, что произошло в семье «солнышка», Люся пока не знала. Она очень уважала Глеба, мужа подруги, но и немного побаивалась его жёстких оценок. Он, её сверстник, казался Люсе значительно старше. Что-то стальное бы-

ло в его характере. Чёрное он называл чёрным, а белое – белым. Редко шёл на компромиссы, не умел льстить и подстраиваться под мнение высокого начальства. Такая самостоятельность могла сильно навредить ему. Пока всё обходилось, но Люся почему-то часто за него беспокоилась. Ей казалось, что Глебу Королёву угрожает какая-то невидимая опасность. И его нынешнее директорское положение неустойчиво, до поры до времени. А вся эта секретность, которой он занимался, ещё так может «аукнуться», что мало не покажется. Люся прогоняла плохие мысли, однако они то и дело возвращались к ней.

Город, где раньше жила Люся, ей нравился, но он не был ей родным. Там она училась в девятом и десятом классах, живя в интернате. В детском доме была только школа-восемилетка. Потом Люся работала. Несколько раз безуспешно поступала в медицинский и, наконец, поступила. Здесь она познакомилась и подружилась с мамой Октябрины. Люсе ничего не преподносилось готовеньким: возьми, мол, сделай милость... Ей всего приходилось добиваться трудом и самой вести себя по жизни. В дочери подруги она чувствовала родственную душу.

Люся ни разу не пожалела о своём отъезде из того города. Ей, человеку-одиночке, нравилась московская многолюдность, где она была вместе со всеми и одна.

Приезду Октябрины радовалась, загодя навела справки на факультете журналистики университета. Конкурс ожи-

дался высоким.

«Бедная девочка! Там небось давным-давно расписано каждое место. Такое престижное учебное заведение. Выбрала бы что-нибудь попроще, какой-нибудь провинциальный университет...» – так думала Люся по дороге на работу. Она бежала по эскалатору метро, волнуясь за девочку.

Недавно у Люси «завёлся» не очень близкий друг. Она сознательно не хотела приближать его, впускать в душу. Раза два в месяц Люся бывала на его уютной отдалённой от города дачке, иногда гуляла с ним по городу. Несколько раз ужинали в ресторане. К себе своего не очень близкого друга Люся почти не приглашала. Ей нравились преимущества одиночества. Денег ей хватало. С одеждой при дефиците вещей в магазинах проблем не возникало. На работе халат, а вне работы... Она в детдоме научилась хорошо шить и вязать, потому всегда выглядела привлекательно и модно.

Октябрина – её подруга. Люся поддержит девочку чем сможет. Пусть занимается. Место в квартире есть. И её матери так спокойнее. Правда, вот насчёт поступления в университет – это уже труднее. Шансов маловато для дневного отделения. Самое вероятное – заочное, но туда принимают тех, кто уже работает. Да и девочка стремится именно на дневное.

Октябрина недолго задержалась в квартире и поехала в университет. Походила по зданию факультета. Сдала документы в приёмную комиссию. Потолкалась среди такой же

провинциальной «абитуры». Поговорила с окончившими первый курс студентами, подрабатывающими на каникулах кто кем там же, на факультете. Требования на экзаменах вообще были высокими, но к иностранному языку – особые. Здесь готовят всесторонних специалистов. Журналист должен быть высокообразованным человеком. Есть месячные подготовительные курсы... Успеет ли она наверстать свои пробелы в знаниях? Надо использовать все возможности. Их учительница ничего подобного из того, что здесь требуется, им не преподавала. Учила так, будто бы не хотела, чтобы они чему-то научились. Иностраный-то и может подвести на экзаменах. А нужны только пятёрки. Конкурс высок!

Помня отцовские слова: ни при каких обстоятельствах не падать духом, Октябрина заторопилась к учебникам. До экзаменов чуть больше месяца – начинаются первого августа. Хорошо, что есть Люся. Сегодня же им надо поговорить.

Но разговора не получилось. Вечерним рейсом Люся улетала в Среднюю Азию – там срочно требовались врачи, чтобы не дать развиться начинающейся эпидемии какой-то свойственной той местности опасной инфекционной болезни. Срок командировки не оговаривался, может, и полгода... Люся вызвалась лететь одной из первых. Понятно: у неё нет ни мужа, ни ребёнка. Октябрина помогала собирать вещи, на ходу решая хозяйственно-бытовые вопросы. Ей предстояло жить в Москве одной. Люся говорила, где лучше покупать

продукты, как отвечать на телефонные звонки, где оплатить коммунальные счета. Вызвав по телефону такси, Люся уехала в аэропорт, предварительно пожелав Октябрине ни пуха, ни пера.

Врождённым оптимизмом Люся заряжала окружающих. И всегда верила только в хороший исход любых событий, даже если шансов на это почти не было. Семейные новости Октябрины оставила без комментариев. Она знала гораздо больше этой девочки. Такие вот судьбы у её родителей – ничего не попишешь. Невозможно быть насильно милым целую вечность. У всего есть свой финал. Жить рядом с нелюбимым человеком многократно тяжелее, чем долгие годы переживать потерю любимых людей. Живя рядом с нелюбимыми, даже люди с ангельскими характерами меняются не к лучшему.

Внешне семья Октябрины выгодно отличалась от других. Отец – авторитетный руководитель. Мама – врач, отличный диагност. Никто не ведал о внутренней холодности этих людей, уводившей их в разные стороны. Никто не подозревал и о том, что между ними металась хрупкая душой девочка с очень подходившим ей осенним именем. Она и сама была похожа на яркую молодую осень – светлокожая, с густыми тёмными волосами, зеленовато-коричневыми с золотистостью глазами. Девочка, привыкшая к общению с собой.

Уход отца был определён гораздо раньше. В тот давний вечер, когда в сумбуре девчоночьего спора одновременно раз-

рушились сразу четыре судьбы. Не говоря уж о судьбах тех, кто явился на свет позже. Для кого-то эта история стала крушением любви. Для кого-то – началом новой жизни. История вообще не имеет окончания. И эта семейная драма, видимо, ждёт продолжения. Ведь жизнь – замысловатая цепочка взаимосвязанных событий.

Что представляет из себя избранная отцом молодая женщина? Как она относится к нему, строгому, холодному, но прежде всего – её, Октябрины Королёвой, отцу? Любит ли его?

Октябрина пробовала понять: как это бывает у них, давным-давно взрослых людей? Чем он, такой замкнутый, неразговорчивый, привлёк молодую женщину? Октябрина не ведала о том, что любовь приходит в разном возрасте. Накал её в зрелые годы ничуть не меньше, чем в юности и ранней молодости, а может быть, и куда ярче, ответственнее, эмоциональнее! И о том, что любят в основном ни за что, Октябрина тоже пока не знала. Это неприязнь или ненависть имеют вполне определённые причины и объяснения.

Октябрина сидела на кухне за нехитрым ужином. «Люся уже далеко», – сожалела Октябрина. В ту минуту ей тоже захотелось быть взрослой самостоятельной женщиной, самой распоряжаться своей судьбой. Из окна кухни Октябрина разглядывала соседние московские дома. За их окнами незнакомые люди готовились к новому дню. Там постепенно, как бы нехотя, включают свет. И в каждой квартире крохотным до-

машиним солнышком вспыхивает лампочка жизни. На улицы огромного города медленно опускается ночь. «И никому здесь нет до меня дела...» – ни грустно, ни весело отметила девушка. Не ошибалась ли она?

Два человека в этом городе знали о ней, старались как-то помочь. Сашка-Александр вспоминал о ней из-за Вадима. Вадим – дорожа ею и сознавая зрящность затеянного им никому не нужного театра, в котором невозможно сыграть наверняка без долгих предварительных репетиций, на которые у него времени не было. Ох, зря, зря тогда, на тех далёких танцах, бесспорно, ради хохмы он увёкся этой допотопной конспирацией. Непростительное мальчишество!

Нынче лжи собралось так много, что из неё можно собрать коллекцию неприятностей. Ложь не позволяет ему прожить спокойно и дня. Вот так бы и позвонил сейчас! Так бы и увиделся с девушкой! А как это сделать? Вадим плюхнулся на кровать, уткнулся лицом в подушку, делая вид, что спит.

Глава пятнадцатая

Октябрина повторяла исторические события, проверяла точность дат, характеры литературных героев, правописание, орфографию, пунктуацию. Нервничала из-за иностранного языка. Она чувствовала нехватку знаний для такого вуза, куда вознамерилась поступить. Но идти на попятную и не думала. Надо стучаться, и когда-нибудь кто-то непременно отворит.

Иногда звонил Вадим, раза два они посмотрели фильмы в отдалённом кинотеатре. При этом Октябрина постоянно думала об экзаменах. Первый из них состоялся на следующий день после творческого конкурса, который Октябрина выдержала блестяще. Потом были ещё два экзамена. Первый, сочинение, запомнился радостью. Классическая русская литература. Ее стихия. За грамотность Октябрина была спокойна. Она увлеклась и едва успела переписать работу с черновика на чистые листы – уложились секунда в секунду.

Около метро её окликнул Вадим:

– Как дела, красавица?

– Кажется, хорошо...

– Почему же невесёлая?

Октябрина пожалала плечами. Вадим забеспокоился:

– Ты ела? – Октябрина кивнула.

– О-о-о! Как всё запущено! Пойдём-ка! – он потащил её

ко входу в метро.

Через две остановки они вышли на улицу. Довольно уютный зал кафе был немногочислен. Октябрина нехотя водила вилкой по тарелке.

– Ешь веселее! – ободрял Вадим.

Он шутил, рассказывал анекдоты, смешные истории. Октябрина молчала.

Потом они немного погуляли.

Октябрина вздохнула:

– Пора. Следующий экзамен через два дня. Нужно многое повторить...

– Жаль, – ответил Вадим. – Ну тогда пока.

Они долго прощались около Люсиного подъезда.

– Возьми меня с собой... Всё равно сегодня не будешь заниматься, – просил Вадим. – Чаю хочу!

Октябрина, слабо протестуя, сдалась:

– Хорошо, только недолго.

– Идёт! – обрадовался Вадим.

Квартира пахла тишиной. Несмотря на поздний час, в комнатах было довольно светло. Электричество не включали. Оба любили долгие сумерки, таким образом продлевая неуловимую особенность вечера: романтическая окраска неба, облаков, закат, солнечные переливы, постепенное угасание дня.

В сгущающейся темноте чужой кухни в них вошло необычное настроение, приподнятое и трепетное. Они при-

мостились около окна. Сидели, не шевелясь, вплотную друг к другу

Любимец своего окружения, Вадим, умело отрабатывающий образ человека с репутацией повесы, чутко и бережно коснулся плеч Октябрины. Она замерла.

Книжная девочка Октябрина... Окно в сад, недавнее летнее утро с каждой секундой уходят дальше... дальше, в туманную дымку будущего... Да и сад уже другой. В нём много яблонь. На ветках наливаются плоды, чей вкус узнается ближе к осени. И девушка уже не та девочка из утра с серебряным туманом. Теперь ей кажется, что оно было давным-давно.

Как-то сложится её судьба?

Вадим... Её самый любимый человек на земле.

Что ждёт их в будущем? Пока же они счастливы. Девять лет разницы в этом возрасте – всё равно, что век в истории.

На рассвете их встревожил телефонный звонок. Обернувшись простыней, Октябрина, шлёпая по прохладному линолеуму босыми ногами, бросилась к аппарату:

– Алло! – голос, немного хриплый со сна, выдавал её волнение.

– Октябринка, – тревожился на другом конце провода Сашка-Александр. – Прости за беспокойство. Вадим на всякий случай сказал мне твой секретный номер. – Он ещё и шутит! – Не засиделся ли у тебя мой друг за чашечкой горячего чая? Нельзя ли его толкнуть в бок, чтобы он протёр глаза

навстречу новому дню?

– Да, да... Да, конечно... сейчас, – Октябрина передала трубку Вадиму.

– Что произошло? – спросил он строго.

– Слышишь, друг, у тебя дома какие-то неприятности. Тебя начальство разыскивает. Я сказал, что ты собирался встретить рассвет на Москве-реке, – несмотря на шуточный тон, голос Сашки не был весёлым. – В общем, ты решил изучить ночную и предутреннюю столицу в современных условиях. Усёк? Я звоню из уличного автомата. Поспеси. И – ты ничего не знаешь... Усёк? – напомнил Сашка и отключился.

Октябрина вопросительно смотрела на Вадима. А тот, слушая, как в чайнике закипает вода, молчал. Через пять минут он спускался по лестнице, придумывая, что и как говорить... И в самом деле! Имеет же он право хотя бы в каникулярное время побыть свободным! Его не пугали объяснения с начальством. Надоело скрывать существование Октябрины, оттягивать разговоры о семье. Чья это, собственно, жизнь? Его? Или его начальства? А вот что произошло дома? Или этот звонок – повод для окончательного выяснения отношений с руководством?

Пусть теперь будет, как будет. Вадим стал думать об Октябринах. Он не ошибся. В этой домашней девочке скрыта мощная женщина. В ней есть та самая женская сила, о которой Октябрина в её милом девичестве не имеет понятия. Девочка не знает себя. А её нежность? А трепетность? Она

слишком чиста для этого грязного мира! Словно дворянская девочка из строгой семьи девятнадцатого века! Уж он-то, Вадим, давно постиг условия игр... Он обязан защитить Октябрину от всякого рода слякоти, оградить, сберечь. Дело его чести никогда не давать её в обиду. Только вот как совместить с нею его карьерные планы? Ах, да ладно, он потом разберётся со всем этим.

Попутно Вадим деловито проанализировал, как вёл себя с девушкой: «Последствий быть не должно. Я обучу её всему, что требуется в таких случаях... научу ценить физическую любовь... Я обязан сделать так, чтобы она осталась со мной. Весной у меня диплом и новое назначение... Ещё до весны Октябрина должна носить мою фамилию... Независимо ни от чего!»

С этими мыслями Вадим переступил порог здания, где жили и он, и его не обременённые семьями сокурсники. Почти все разъехались на каникулы. Он отзвонился по известному ему телефону и тихо ахнул: деда свалил обширный инфаркт. Надежды на благополучный исход не оставалось. Вадим тут же отправился на вокзал... Из телефона-автомата набрал номер Октябрины, но та, видимо, крепко спала – на десятом гудке Вадим положил трубку.

Глава шестнадцатая

Проводив Вадима, Октябрина провалилась в глубочайший сон, проспав до половины двенадцатого. Не завтракая, девушка спешно собиралась на консультацию. Всю дорогу до факультета она думала о Вадиме. Ужасалась и радовалась в одно и то же время. Она смущалась, ей чудилось, что все понимают причину этого. Она слышала голос консультирующего абитуриентов преподавателя по иностранному, не принимая информацию. Её лицо горело, щёки алели. Она не чаяла, как опять очутиться там, где ещё совсем недавно они были вдвоём. Сашка... Сашка верный друг. Всё понимает.

Вернувшись в Люсину квартиру, Октябрина нехотя полистала учебники. Наука в голову не шла. Звонка от Вадима не было. Вскоре в окно постучались такие же, как вчера, сумерки. И ночь снова усыпила город.

В полночь позвонил Сашка:

– Не беспокойся... Его вызвали домой... Когда вернётся, не знаю... – в трубке вновь пищали короткие гудки...

Пригорюнившись, девушка прилегла и незаметно уснула. Весь следующий день вталкивала в себя иностранный. На экзамене не понимала: что в билете? как отвечала? что в экзаменационном листе? Четвёрка... Откуда? Октябрина видит шевелящиеся губы экзаменатора, какие-то его пожела-

ния чего-то... Что за бред?

Она вышла в факультетский сквер, пристроилась на краю скамейки. С трудом вернулась в действительность. Четвёрка... Две пятёрки, две четвёрки. Это почти провал... На дневной она не попадает, вечерний для москвичей. Так что же? Заочный?

Ей хотелось плакать. Через два дня будут списки. Тоскливо: может, собраться, да и – на вокзал? Всё ей здесь надоело. Устала. Ничего не хочется. Октябрина рвалась домой. Сейчас нет ничего ближе родного дома. Пусть там всё иначе, чем в столице, но зато привычно. Пусть будет, как будет... Домой... Хочется домой, в уютную комнату с садом за окном. Ещё чуть-чуть, и осень зажелтит в нём листья. Дожди смывают следы летних неприятностей. Дожди смывают всё, всё, всё. Домой... Надо уезжать, искать работу, вновь готовиться к поступлению. Через год, имея небольшой стаж, она окажется немного в лучшем, чем теперь, положении. Нет! Надо набраться терпения, нужно своими глазами увидеть списки зачисленных на факультет.

...Её фамилии в них не было. Недобор баллов. Предложили поступать на заочный, но требовалась справка о том, что она работает, хотя бы... два дня. Октябрина забрала документы. Смешно: какая справка? Откуда? Где она работает «хотя бы два дня»?

Написала Люсе подробное письмо, собрала вещи. Утром Октябрина вдыхала воздух родного города: какое счастье!

Вот уж не предполагала, что так искренне обрадуется поражению. Только вот объяснения с мамой... Решено: она от-молчится. Как дела у папы? Не виделись всего-то месяц, а ка-жется, год, два, три года. Кажется, она вернулась из далёкой бесконечности, из другого мира, с другой планеты.

На привокзальной площади родного города многолюдно. Дождавшись очереди к телефону, набрала номер папиной приёмной. Никто не отвечает. Ещё рано. Что ж, тогда надо поскорее добраться домой. Вот и автобус в её сторону. Ми-нут через сорок Октябрина столкнулась с выходявшей из до-ма не по-утреннему нарядной мамой:

– Провалилась?! – несколько наигранно всплеснула мама руками.

Ничего, Октябрина не «заметит» её привычной неискрен-ности. Здесь требуется смирение. Потупившись, Октябрина кивнула. Она волновалась, а хотелось... смеяться! Потому склонила голову ниже, – чтобы не вывести из себя маму. Та и в самом деле нервничала:

– Надо было заниматься уроками, а не... – какое «не» име-ла в виду мама, она недоговорила.

У ворот их дома остановилась вишнёвая «Волга». Из неё вышел незнакомый Октябрине мужчина, и мама улыбчиво заспешила ему навстречу. Дочь не обратила на машину вни-мания. Она мечтала выспаться. Спала почти сутки, не слыша ни телефонных звонков, ни звонков в дверь, ни шагов за ок-ном, ни стука в окно.

Глубокий провал в сон провёл резкую границу между школой и взрослой жизнью. После выпускного миновало всего два месяца.

Как бы ни приходилось ей жить потом, школьный выпускной вечер Октябрина вспоминала редко. Но утренний белёсый туман первого дня взрослой жизни возвращался к ней почти всегда в дни её дальнейших испытаний и побед, перенося её в атмосферу далёких бескомпромиссных юношеских надежд, поддерживая в ней её саму.

Глава семнадцатая

Прошло почти тридцать лет.

И... Раз, два, три! Октябрина приучила себя вставать с правой ноги. Это совсем не трудно —подниматься утром с правой ноги. Да это очень просто – начинать день с улыбки и первым делом здороваться с миром. Каждое утро в последние несколько лет она начинала одной и той же песенкой, не стесняясь своих скромных вокальных данных:

– «Здравствуй, мир, здравствуй, век, здравствуй, новый человек...»

И... Раз, два, три!

Душ. Полотенце. Халат. Улыбка. Раз-два-три! «Бег на месте – общепримирающий...» —ободряет голос из радиоприёмника на стенке в кухне.

Собиралась она как можно тише, чтобы не разбудить детей (ничего себе, «малышки»)! Октябрина спешила. Она уезжала в командировку – куда же ей собираться с утра пораньше в будни, да ещё в начале недели, да ещё летом! Она опять мчится кому-то на помощь, чтобы у кого-то, пока неизвестного ей, посветлело на душе. И мир для него стал бы чуть-чуть теплее, ласковее. Дочери, кажется, её понимают.

«Почти понимают... Вот именно – почти... Ох, уж это многое объясняющее „почти“... Универсальное слово, применяемое, когда не хочется углубляться в детали».

Октябрина занимается утренним приведением себя в порядок. Потом быстренько соображает завтрак: кофе с молоком, бутерброд. Подъехала редакционная машина. Пора!

Дверь малогабаритной квартирки захлопнута. Хозяйка вернётся через три дня, к вечеру.

Раннее утро, как и много лет назад, серебрит туманом город. На чахловатой траве поблёскивает роса. Заканчивается ещё одно лето. Машина проехала мимо дома, в котором родилась и выросла Октябрина. Мама «принципиально» много лет живёт в двух местах. Даже её второй муж недоумеваает по этому поводу. Однако стойко терпит все её капризы. Наверное, влюблён.

Нужно выскочить из города до часа «пик», когда по запруженным машинами улицам заспешит на работу народ. Водитель, как и его пассажирка, любил ранние командировочные часы недолгих поездок в глубинку. Да и редакторша отдела всегда о нём заботилась. Удовольствие, а не поездка, даже если «пахать» приходится до ночи. Зато потом газету рвут из рук – Октябрина умеет подать собранный в командировке материал интересно для разных читателей. И как это журналистам удаётся обычное событие обрисовать так, что потом думаешь: в самом деле! правильно! так и было! Глаза у них иначе устроены, что ли?

Октябрина смотрела на дорогу. Ей нравилось выезжать из города с этим водителем: немногословен, лишнего не говорит и не спрашивает, исполнительен.

Она долго шла к своему сегодня. А прошлое нет-нет, да и напомним о себе, как военная рана, которая в самые неподходящие моменты болит, бередит. Она не любит вспоминать о том, чего давно нет и что давно пережито. Однако в прошлом бывало и хорошее. Её профессия оттуда, из тех туманных дней. И дети пришли оттуда же. А ещё что? Если перечислять, так вроде бы и ничего, и всё. Всё пришло оттуда, из вчера, которое сегодня подчас видится ей рваными колючими осколками замызганного стакана.

Имеет ли сегодня Октябрина право на жёсткие оценки? Несомненно! С того самого дня, когда вернулась домой после неудачного поступления в столичный университет, она ко всему продиралась самостоятельно. За эти годы произошло много разномастных событий. Любимые люди – дочери. А ещё у неё есть изумительная профессия, которая ежедневно дарит интересных людей. Есть профессия, с которой всегда живёшь в самой гуще жизни.

Но всё, что сегодня она имеет, Октябрина могла бы обрести раньше, если бы не тормозящая её неуверенность в себе из-за полученных в детстве комплексов. Сейчас в них никто не поверит. В глазах других людей она целеустремлённый человек с крепким стальным стержнем внутри. Ей-то быть неуверенной! Но это так... Профессия многому научи-

ла. Негласный внутренний девиз Октябрины: одно хорошее дело в день, и он прожит не зря. Добрые дела – суть её характера.

А пока впереди – дорога. Поездка в глубинку – хорошая возможность быть наедине с собой!

Свой тернистый путь к цели Октябрина проходит почти в одиночку. Она прокладывает колею через юношеские надежды. Давно идёт избранной стезёй, свернуть с неё – всё равно, что, отречься от себя... Октябрина, как может, совершенствует мир. Стремится поймать далёкую звезду в небесах. К тому же и в стране лет десять назад или немного меньше сменился общественный строй. Сначала вроде затевались какие-то движения вперёд, потом всплывала всякого рода пена, кто что мог, – то и хватал... Поначалу люди вострепнулись, всё ждали: вот-вот произойдёт чудо, и всё вокруг преобразится к лучшему... К сожалению, до экономического расцвета, стране, наверное, пока очень далеко. Октябрина, всерьёз занимающейся этой темой, ситуация не внушает оптимистических надежд, хотя надеяться на лучшее очень хочется.

Часть вторая.

Путь к успеху

«Если хочешь повеселить Бога, расскажи ему о своих планах»! Скольких неприятностей многие бы избежали, если бы умели хранить личные тайны и не «наступать» то и дело на одни и те же «грабли».

Глава первая

После развода с мужем миновало немало месяцев. Переживания отодвинулись. Впереди новый жизненный этап, в котором, если верить предсказаниям судьбы, она достигнет писательского мастерства. Она до секунды помнит и день развода, и свой долгий путь к нему.

Октябрина вышла из здания суда. Декабрьское солнце карабкалось к полудню. Всё! Она больше не замужем! Первый день не замужем. Прямо-таки и название, и тема для нового рассказа. Вот тебе и на! В такой миг – думать о чём-то ещё кроме крушения семьи. Фактически формальный брак, столько лет разрывавший её душу на кусочки, наконец-то завершён. Брак, сдерживавший её, словно вожжами, охлаждавший любые порывы, обрывавший на полуслове планы, гасивший её внутренний костёр.

«Как же мне было одиноко и холодно в моём замужестве! Как же опротивела мне вынужденная игра в счастливую женщину!..»

Несколько шагов по скрипящему снегу. Остановилась. «А сейчас мне страшно! Сумею ли удержаться в разводе? Не затоскую ли? Не отступлю ли? Не победит ли почти до-

конавшее меня моё гипертрофированное чувство долга? Я ведь с детства должна всем на свете, всем, кроме себя...»

Октябрина долго готовилась ко всему, что последует за разводом с нелюбимым и чужим, скорее даже, – чуждым, по духу человеком. Она вела длинные внутренние монологи, переходящие в диалоги с воображаемым оппонентом, то запальчиво, то устало полемизируя неизвестно с кем, заставляя себя держаться: «Хоть камни с неба, а я – должна...» Девиз отца – её невидимая опора. Терпеть. Надо потерпеть для принятия решения. У неё пока нет другого выхода.

Пройдёт время, уйдёт и её зависимость от самой себя, спадёт внутреннее напряжение. Годы брака не перечеркнёшь так вот сразу. И потому, конечно, придётся привыкать к иной жизни: «Слишком уж мучительная пора у меня сейчас, поскорее бы она прошла... а там, глядишь, всё и уравнивается. Стать бы мне спокойнее... изнутри спокойнее». Её настоящее мешало ей жить нормально, напоминало странную болезнь, когда ничего не болит, но ничто не мило, ничто не интересует, ничего не хочется.

И вот сегодня её семейная жизнь осталась за дверью суда.

Там, в кабинете старинного здания, расположились трое: судья, секретарь и она, Октябрина Королёва, известный им по работе в популярной газете человек. Процедура заняла немного времени. Видавший всякое, судья, этот немолодой коренастый человек, искренне жалел Октябрину. В какую-то минуту, когда слёзы непрошено застлали глаза, ей по-

казалось, судья едва удержался, чтобы не заплакать вместе с нею. Судья не спешил прощаться, задерживая Октябрьину разговорами на отвлечённые темы. Сильная в глазах других, уставшая быть вынужденно сильной, сегодня она плакала.

Чего добивается провинциальная журналистка Октябрьина Королёва? Кому и что доказывает?

Терпеливо живя рядом с человеком, называвшемся мужем, Октябрьина видела мало тепла и ласки. Не брак ли учил её пониманию жизни, людей, обстоятельств? Октябрьина работала, училась в университете, растила дочек, вгрызалась в профессию, отодвигая личные желания в будущее, словно забыв о том, что жизнь, как и любовь, не отложишь на потом, а время – не законсервируешь.

Она так и осталась внутри человеком-одиночкой. Все годы брака мужа как бы не было рядом с ней.

Если же Октябрьина пыталась, всего лишь пробовала, сказать ему о том, как ей эмоционально холодно, он насмешливо, не скрывая ехидной радости в глазах, тихим размеренным голосом, в который раз повторял: у тебя дурной характер, ты, как все, а строишь из себя невесть что, ты такая, ты – эдакая, и вообще – откуда взялась-то, кто ты есть, а бабы – они все одинаковые, им бы денег дай больше, да вот уж, никогда, ничего ты от меня не дождёшься, а если тебе что-то

надо, так и делай сама, а от меня отвяжись поскорее.

Душевную боль она бы ещё сумела спрятать. Но как изменить отношение к его загулам, безразличию к дому, быту, материальной нестабильности, когда деньгами считаешь жалкую десятку? Она нервничала, кричала, в бессилии что-то изменить. Она горько рыдала и не была собой. Ей на много лет вперёд стало ни до чего. Даже с детьми общалась тогда автоматически: одеты, обуты, накормлены, не болеют, не докучают, и слава Богу.

Потом, значительно позже, Октябрина мучилась тем, что недодала детям тепла в их детстве. Так ведь она старалась, очень старалась, рвалась изо всех сил, отодвигала на потом все свои творческие планы, да не всё у неё получалось. И эта вина никуда от неё не уходила, а лишь обострялась в периоды личных переживаний. Тогда по цепочке вспоминалось всё подряд, а чувство долга укоризненно пеняло ей даже на давние мелкости, которым при хорошем настроении не придаёшь никакого значения.

А время шло. У всех знакомых, друзей, приятелей были свои заботы, радости, печали. Разве что подруга детства изредка была свидетелем мук Октябрины. Но и в её судьбе всё запутано... Порой Октябрина в растерянности вопрошала: да есть ли на свете эти самые счастливые семьи? Бывает ли хотя бы у кого-то это никакое не придуманное для внешнего антуража, а всамделишное «хорошо»?!

Её же брак то ли был, то ли давно сплыл. Ей всегда са-

мой приходилось принимать решения. После развода груз забот о семье окончательно лёг на её плечи. Октябрина работала, постоянно искала подработки, любой возможный заработок. А жизнь потихоньку катилась дальше. Когда же становилось совсем невмоготу, Октябрина придумывала якобы счастливые якобы повороты своей повседневности. И таким образом как бы перемещалась в другой мир, в другую жизнь. Заботы в те моменты отступали, настроение ненадолго улучшалось. Однако бесконечно такое состояние длиться не могло. Ресурсы оптимизма иссякали. Незаметно подбралась затяжная усталость от роли комплексного главы семейства. Она научилась ценить состояние покоя, если такое случалось, радоваться каждому дню, прожитому без мелких неурядиц, которые, как известно, настолько глубоко изнуряют, что белый свет становится не мил ни утром, ни днём, ни вечером, превращаясь в однообразную временную бесконечность. Ох, этот бывший брак! Тяжёлые воспоминания о днях, когда точит единственная мысль: только бы не довести до стычки, только бы день прошёл мирно! Когда же выпадало относительно спокойное время, тогда она на что-то опять надеялась. Потом всё повторялось. Она эмоционально выгорала. Её душа опустошалась и замирала, точно неживая. Октябрина понимала: ещё немного, и она не выдержит собственного насилия над собой. И, наконец, пришло волевое решение. Всё! Достаточно! Прошло время ожиданий. Пришло время действий. Развод так развод! После него она сама

сделает свою жизнь другой!

...Видя слёзы Октябрины, судья молчал, любые слова сейчас были бы не к месту.

– Да, не повезло тебе... Бывает... Это жизнь... А ведь ты... Ты такая... неуёмная, я бы сказал, редкая ты женщина. Не посчитай за неуместную красоту, – но ты ещё не огранённый бриллиант, которого ждёт своя оправка... Ничего... Устоится... Загрузи себя работой, поможет.

Октябрина кисло улыбнулась. Судья налил воду в тонкий, сверкающий чистотой, стакан:

– Пей. Немного успокоишься. Знаешь, что я скажу тебе? Раз решила – не жалей. Всё переживается. Потом себя же и поблагодаришь. Ты красивая, умная. Переживёшь... Поверь мне. Сейчас небо тебе кажется с овчинку, но это пройдёт. Главное – сама себя не предавай.

Октябрина выпила два стакана воды. Она слушала судью, благодарная за понимание и за подаренное им время для передышки после суда.

Пусть судья говорит. Пусть выдумывает для неё самые невероятные ситуации, пусть строит планы. Перемены... Откуда они возьмутся?! Ей бы научиться обретать внутренний покой.

Недавно кто-то из знакомых назвал её отчаянной женщи-

ной. Какое глупое определение. Никакая она не отчаянная. Она – отчаявшаяся женщина! Никакая она, Октябрина Королёва, не отчаянная, робкая она. Это у неё такая маска, такая форма борьбы за сохранение личности, борьбы против холода и боли, в которые больше, чем на два десятилетия, бросила её жизнь. Как ей удавалось выдерживать одиночество внутри вынужденно показного благополучия? Как она сумела переползти через границу этого разрушительного для неё брака? Как она смогла не разрушиться и продолжать свой путь? Как пробралась через суровые таможенные посты, называемые долгом, терпением, самопожертвованием, отказом от себя, от своих взглядов на жизнь семейную и жизнь собственную? Помогало... отчаяние. Нет, она не отчаянная, она и в самом деле – отчаявшаяся женщина.

Мама, к радости дочери, счастлива во втором браке, ей ни до чего нет дела, кроме забот о муже.

Судья ободряюще улыбнулся:

– Удачи тебе! Жду в подарок книжку! Не забудь обо мне, когда напишешь.

Октябрина слабо запротестовала: книжка! что вы! да может ли такое быть! это фантастика в наше время и вообще – диковина.

– Напишешь. Ты – обязательно напишешь. Я читал

твои рассказы в газете – мне очень понравилось. Особенно тот, где...

С лица Октябрины не сходила мученическая улыбка. А судья увлечённо пересказывал ей сюжет её же рассказа.

Лицо её было бледнее белой бумаги, глаза погасли.

– Обещаю, – сказала Октябрина. – Если такое когда-нибудь свершится, непременно один экземпляр будет ваш.

Быстро – вниз по лестнице. Тяжёлая входная дверь приглушённо хлопнула за спиной.

«Куда?.. Только не домой... На работу!» – Октябрина направилась в сторону троллейбусной остановки.

Солнце ползло к полудню. Ещё нет и двенадцати?! Ей казалось, что с утра прошло несколько лет. Под ногами скрипел выпавший ночью снег: хр-р-р, хр-р-р... Город жил обычной жизнью. Какое ему дело до личных горестей симпатичной женщины средних лет!

С трудом она распрямила плечи: «Всё! Я больше не замужем! Что же я чувствую? Ничего. Я ничего не чувствую. Первый день не замужем. Наверное, и в этом тоже состоит счастье. Странные слова. Первый день не замужем. А ведь и впрямь – хорошее название для рассказа. И тема... – Октябрина усмехнулась: – Если в такой момент я думаю так... Следовательно, больной скорее жив... Значит, я выдержу и выстою».

Пока добиралась до редакции, она думала о работе, вернее, заставляла себя думать только о ней.

Глава вторая

– Как, по-вашему, в чём состоит смысл жизни? – Октябрина напоследок задала собеседнику риторический вопрос, укладывая в сумку блокнот, ручку, диктофон. Интервью прошло, можно сказать, идеально. Если она чувствовала такое по завершении бесед с героями её газетных публикаций, то и задавала им такой вопрос, коллекционируя ответы на него людей разных возрастов и социального положения.

– Это вы у меня интересуетесь мнением о смысле жизни?! Вряд ли кто-то на этот вопрос ответит однозначно. И всё же попробую поразмышлять, самому интересно. В чём же всё-таки мой смысл жизни? Возможно, в людях. В тех, с кем знакомит меня жизнь. Ещё в работе. В долге перед семьёй. Наверное, смысл у каждого свой. У кого в деньгах. У кого – в пьянках или разврате. Или в славе, например. Кто-то совершенствует мир, кто-то его разрушает... Каждому – своё. И по заслугам каждому воздастся. Всему явлено своё время.

– Мы похоже мыслим, – задумчиво произнесла Октябрина.

И вот после развода миновало уже больше двух лет. Жизнь Октябрины меняется медленно, словно испытывая её

на прочность.

В новой редакции начался новый профессиональный ритм, появились новые темы. Она любила свой кабинет и тех, о ком писала. Ей с детства нравилось быть одной и думать, думать в этом одиночестве, находясь в равновесии с собой.

Холодные отношения между родителями оставили в ней глубокий след, наверное, навсегда. Не очень-то уверенная в себе, Октябрина и во взрослости не избавилась от детского желания хотя бы изредка слышать слова родительского одобрения, тихонько радоваться за себя вместе с матерью и отцом. Увы. Отца давно нет, а с матерью не хотелось делиться ни маленькими, ни большими радостями, а уж печалью – и подавно.

По дороге домой после интервью Октябрина забрела в универмаг. Как изменились магазины! Стали светлыми, наполненными красивыми товарами. Она с интересом рассматривала витрины. Ей нравилось выбирать что-нибудь для себя, особенно, если удавалось подработать, – с этими подработками, видно, придётся жить всегда. Худо-бедно они помогают удерживаться на плаву. Однако как же надоел ей вечный аврал и полное отсутствие свободного времени!

Делать себе неожиданные подарки она полюбила. Ведь это – хороший способ улучшения настроения. Ей и в голову не приходило ожидать каких-то подношений от своих дыхателей.

Ох уж эти кратковременные поклонники! Будь легко доступной, бездумной, нетребовательной – и они твои. Противно. Ничего-то они не хотят знать о шагах к женскому сердцу. Нет, не её люди эти взрослые, полусостарившиеся мальчишки... Октябрина шутя называет их отрядом неинтересных халявщиков без последствий.

Чего только не происходило с Октябриной Королёвой с того памятного лета, когда она вернулась домой после неудачного поступления в столичный университет. Вскоре девушка устроилась курьером на завод, а через год легко прошла по конкурсу на заочное отделение журналистики одного из старейших провинциальных университетов. И почти отлично окончила его. Интересно, где бы она сейчас была, если бы в то давнее лето осталась в столице? Люся предлагала потерпеть и побороться.

«Жизнь – цепочка событий. – Октябрина вздохнула. – Частенько сильно переживаешь какие-то нестыковки в ней. Проходит время – и вдруг понимаешь, сколько обретений принесли предыдущие потери. Тогда уже, наоборот, пугаешься того, что тех потерь не произошло бы: не переживёшь чего-то в один отрезок времени – не оценишь даров времени последующего».

Неужели после развода прошло всего два года?

Анализируя прошлое, Октябрина сожалела только о том, что не решилась на развод раньше, что её семейная агония чрезмерно затянулась. Зря она противилась «эвтанизии», безрезультатно ожидая изменений. Ей сорок пять. Выглядит моложе. Работа и оптимистический настрой – лучшие способы лечения непростых жизненных вопросов.

Ей требовалось другое окружение? Пожалуйста: вот они, новые люди. И, по крайней мере, глупо спрашивать себя о том, что бы с нею было, останься она в столице. А если бы и Вадим тогда же остался рядом? Как бы сложились их судьбы?

Неплохо, наверное, было бы ей рядом с ним. Вадим, уютный дом, дети, никаких забот, никакой борьбы за место под солнцем, и, скорее всего, никакой бы журналистской работы с её командировками и жёсткими графиками сдачи материалов в номер.

Редкие воспоминания о Вадиме до сих пор отдавались глухой болью души. А ведь он искренне любил её, был готов, казалось, ради неё ко многому. Почему же тогда поступился ею? Да известны ей все ответы на все вопросы, только вот с теми обстоятельствами и его решениями смириться ей было непросто. Она и не смирилась, а спрятала переживания куда-то далеко-далеко вглубь себя. Важно ли это ей сегодня? Наверное, да, наверное, очень важно.

Потом, после его женитьбы, мельком, на ходу они виделись ещё раза три. Он до сих пор ничего не знает о резуль-

татах последнего раза... Да что теперь вспоминать и думать о том, чего нет и чего уже никогда не случится! Что Бог ни даёт, – к лучшему. Не знает – и не надо ему ничего знать. Всё равно всегда случается то, чему нужно случиться. Она теперь в этом убеждена. И всё это звенья единой витиевато выкованной жизнью цепи. Её старшая дочь выросла. Умница и красавица. Ей двадцать пять, и она продолжает делать себя, совершенствуется в своей редкой профессии. Надо отдать должное и бывшему мужу – дочь не подозревает о том, что её отец – другой человек. И младшая дочка тоже хорошая девочка.

Мысли переключились на бывшего мужа. Почему она вышла за него? Он поначалу хорошо относился к её дочери, потом не замечал обеих. Ей думалось, она вышла за него по любви. Разве не так? Но что же это тогда была за любовь, если о ней нет воспоминаний! Душу пока немного саднит. Да ведь уже давно в ней нет боли!

Если бы не дети... Он всё же имеет непосредственное отношение к обеим дочкам. Если бы не дети, она бы давно и не вспоминала о нём. Не пережила бы сама, не поверила бы, что после стольких лет в душе – ни головешки, ни золы.

В чём же смысл сегодняшней жизни Октябрины? В детях? Бесспорно. В работе? Нет сомнений. В мечтах? Может быть... Она по-прежнему мечтает, называя себя романтиком, стоящим на земле.

Как там сказал её новичок-собеседник? Занятный. Наверное, много думающий человек. Чей-то удел – совершенствование мира? Не о ней ли? Она надеется, что знает, на какой виток спирали судьбы сейчас переходит.

Теперь у неё будет свой тайный путь к успеху. Она окончательно решила стать собой, такой, какая есть: не нравится – не ешьте. Она напишет свой роман. Судьбою героини убедит похожих на неё женщин жить ради цели, не сдаваться, не отступать, верить в хороший исход событий, даже если кажется, что на это совсем нет шансов.

Через всё нужно пройти самой. Теперь, когда часть жизненного пути уж и не видна из-за горизонта, Октябрина способна говорить «нет», и может отстаивать себя.

Пешком! Только пешком сегодня она доберётся до дому! Нужно больше ходить – так лучше думается. Почему-то сегодня Вадим не выходит из головы.

Куда деваются благородные порывы, когда вопрос ставится: или-или? Он выбрал второе «или». Он не знает о дочери, а ведь четверть века – немалый срок, чтобы догадаться. У него бездетная обеспеченная семья. А он так мечтал о детях! О троих сразу! Или о погодках! Но его цепочка жизненных событий набрана из других звеньев: карьера, имя в политике, деньги, много, очень много денег.

Глава третья

В тот год Вадиму удалось оттянуть женитьбу. Его связь с девочкой из родного города никогда не была тайной для начальства, до поры до времени считавшего это юношеской утехой. С кем не бывает! Но ложь... И эта совершенно дурацкая долгая игра в прятки-конспирацию! Будто не взрослый сложившийся человек работает в серьёзном месте, а кто-то неуверенный в себе, задержавшийся в подростковом возрасте. Вот потому и образовался крючок, на который его зацепила леска профессиональной дисциплины. Начальник добродушно рассмеялся:

– Ничего не поделаешь, молодой человек! Ваш невинный проступок требует оплаты. Всё, всё понимаю! Наверное, это была игра? Отголоски детства? Ну как? Готовы? – глаза начальника блеснули льдом из-под стёкол очков в модной платиновой оправе.

Ну просто Оруэлл в реальности. Но Вадим тогда ещё не слышал о мировом бестселлере, которым не одно десятилетие зачитывается весь мир. Пророчества писателя останутся актуальными ещё не одно десятилетие, и не для одной страны мира.

Настроение Вадима стало никаким. Придётся прогибаться, теперь уж по-другому не получится... «Но ради себя же... Я думаю о будущем... О своём будущем!» – оправ-

дывался он перед собой.

Ложь копится незаметно, каплей по капле, пласт за пластом, наслаивается одна на другую. И вот тогда-то интриги и фальшь становятся главными трамплинами на пути к цели. Надо быть хорошим «лыжником», чтобы удачно приземлиться там, куда нацелился. Возможно, кому-то в этом обществе и удаётся добраться до его вершин, не переступая через себя и других, без отречения от морали и от самого дорогого. Хотя тот же Оруэлл не оставляет на это и капли надежды. Жизнь – штука непростая, а звенья её цепочки неодинаковы по размерам и окраске.

Недавно начальство загадочно говорило с Вадимом о Сашке. Ходило вокруг да около, изъяснялось намёками. А может, и не о нём оно собирало информацию? Точно, вроде бы не о нём. Вадим подробно ответил на все вопросы. Точнее, всё, что он рассказал на якобы неофициальной беседе, было правдой, пусть проверяет, кто хочет. Сашка и сам не промах. Он занимается такими разработками, что никто из посторонних, даже самый верный друг, ничего конкретного знать не может. О них он не упоминал даже вскользь. Сашка – человек надёжный. Но что-то у него не в порядке. Откуда Вадиму знать – что именно! Уж здесь-то он ни сном, ни духом ни о чём не ведаёт.

Нет уж, увольте! Вадим и не хочет знать о Сашкиных напряжённостях. А тот розыгрыш со знакомством в поезде! Это же была шутка! Мальчишеская шутка. Мог бы и не со-

глашаться. Его отстранили от разработок, автором которых он был, не объяснив причин. Подумал бы заранее о деле жизни. Кто его заставлял играть в эту чепуху? Всё было по добром согласию. Рисковали одинаково. Кто его толкал лезть на рожон? Романтик-правдолюбец! Молчал бы тогда лучше, не спорил бы с начальниками, притворился бы. Глядишь, пронесло бы. Ну дали бы выговор... А то раздоказывался... Правды он хочет! Другую профессию надо было выбирать!

Где теперь этот Сашка? Что доказал своим отъездом из страны? Небось, моет где-нибудь стаканы-тарелки, тихо радуясь: легко отделался. События происходили, кажется, настолько давно, что их как бы и не было. Вот только Октябрина...

– Сам виноват! – резко возразил Вадим, когда Октябрина, мало что смыслившая в подобного рода интригах и их последствиях, плача, защищала Сашку перед Вадимом.

Тогда между ними произошла крупная ссора. Потому Октябрина и не сказала ему о будущем ребёнке. Ведь у Вадима уже была жена... Вадим выбрал её, а не Октябрину и Сашку, пути назад у него теперь нет.

Октябрина спокойно приняла его путанные объяснения, загнав переживания глубоко в себя. И... вышла замуж. Вадим же, не утруждаясь раздумьями, однозначно приписал отцовство её мужу – все они такие, эти девчонки-провинциалки. Им бы замуж скорее. При этом о своём браке Вадим не вспоминал. Как и полагается молодому, очень ответ-

ственному работнику, он жил размеренной семейной жизнью. Смысл его бытия теперь и навсегда – методически, шаг за шагом, угождать обстоятельствам.

Всезнайка Сашка – переполненная идеями голова. Он всегда опережал Вадима, не терпевшего вторых мест.

Ну а Октябрина не вписалась в интерьеры служебных лестниц Вадима. А потом к тому же эта подозрительная история с гибелью её отца. Не стоит в это глубоко влезать, да и от дочери такого человека лучше бы находиться подальше. Вадим так и не разобрался в некоторых деталях. Мелочи не выстраивались воедино. Да, отец Октябрины руководил заводом с секретными цехами. Но что там делали? Сколько ни пробовал Вадим хотя бы исподволь получить хотя бы какую-то информацию, ему это не удалось. Отец Октябрины ушёл из семьи, женился вновь... Его жена родила сына. А сразу же после похорон куда-то исчезла из города вместе с ребёнком. Почти все вещи в их небольшой квартирке были на месте.

С годами завеса над тайной только уплотнилась. И Вадим на всякий случай вполне осознанно отступил от своего тайного расследования. У него-то всё давно устоялось. Разве что Октябрина иногда снится. То они кружатся в танце по искрящемуся солнцем лесу, то летят по Млечному пути... Наверное, это нервы.

Жизнь сортирует людей на сильных, слабых и никаких: об этих-то всегда нечего сказать. А вот сильные и слабые!

Кто из них и при каких условиях становится сильнее или слабее? Кто из них слабее или сильнее: Октябрина? Сашка? Вадим?

Глава четвёртая

...В то лето в семье Октябрины начались и продолжились до лета следующего внешне тихие перемены. Родители, мучительно долго оформляя развод, никак не могли развестись, и в этом каждый по-своему получал необъяснимую за­таённую радость. Отец заработал несколько служебных вы­говоров. Его даже пробовали отстранить от должности, да потом вдруг мгновенно всё улеглось, будто ничего и не было.

Правда, папина молодая жена едва оправилась от тяжё­лых родов. А потом мама Октябрины стервозно решала во­просы устройства личной жизни. Она, теперь-то Октябрина, как никто, понимает, тогда была молодой женщиной, – кра­сивой и свободной женщиной, от которой ушёл муж. Обще­ственность её жалела. Видная дама однозначно не имела пра­ва на одиночество. Почти сразу же после развода она и вы­шла замуж за бывшего одноклассника. Уехала с ним на пол­года в далёкую командировку – её специальность врача нуж­на везде. А вот возвратившись из командировки... Мама за­нялась дележом имущества с отцом. Тот отказался от все­го в пользу дочери. Теперь мама обижалась на дочь и чуть что упрекала ту любой мелочью. То одно было не по ней, то другое. Ну и обстановочка сложилась в их доме!.. Октябри­на предложила переоформить документы на мать. Тут уже возмутился отец!

Им обоим не было дела до интересов Октябрины. Каждый жил собой, видимо, таким образом мстя друг другу за прошлые обиды. У них не хватало духу благородно остановиться. И они всё глубже увязали в болоте противоречивых требований друг к другу. Ну ладно – мать, а на отца такие действия были совсем не похожи. Непонятно, почему он вёл себя так. Домысливать Октябрина не пыталась. Спросить было не у кого.

Изредка звонила московская Люся, приободряя девушку, одним фактом своего рождения невольно ставшей виновницей всех родительских бед.

Курьером на заводе Октябрина зарабатывала «рабочий» стаж, дававший преимущества на вступительных и при зачислении. Она работала, зубрила нужные темы в учебниках, ждала Вадима. Он появился, когда она училась на первом курсе заочного отделения, и был с нею два дня и две ночи, – благо мама и её новый муж, в коем та не чаяла души, почти не замечали их.

А потом Октябрина терпела мамины скандалы по случаю ожидаемого прибавления семейства, не обращая внимания на пересуды соседей. Досрочно сдав сессию, она благополучно родила девочку. Её крошка на год-полтора моложе сына её отца. К тому же дети очень похожи. Когда девочка немного подросла, Октябрина стала встречаться с мужчиной и думала, что полюбила опять. У всех сложилось мнение: девочка – его дочь. Выйдя замуж, первое время Октябрина была,

как ей казалось, счастлива, потом же изо дня в день поддерживала видимость этого счастья. Родилась ещё одна дочь. Изнурительная игра в счастье копила в Октябрине усталость. Наконец её образовалось слишком много, и Октябрине уже ничего не хотелось. Мысли стали тяжёлыми, неповоротливыми, обрывались на полпути к логическому завершению. Ничего ей теперь не хотелось. Ни о чём не мечталось. Её извилистая дорога петляла по каким-то задворкам и, наконец, упёрлась в тупик, в бесконечную высокую стену, которую не обойти, не объехать. И нет никакой возможности опять ступить на неё. Тогда же Октябрина решилась!

Холодность мужа, его равнодушие, участившиеся пьянки и даже тайные измены, которые выявлялись невзначай, в конце концов, поставили на браке морозную точку.

Осколками невымытого стакана грустно и образно называла она редкие воспоминания из тех далёких, скрытых туманами времени лет. Чтобы уравновесить себя и понять причину такой вот не очень-то складной своей судьбы, Октябрина начала излагать мысли на бумаге. Она записывала их под настроение. Откуда-то приходили лица, присоединяя характеры. Точнее говоря, появился фактически один женский характер во множестве лиц и возрастов главных героинь.

Она писала и выводила из себя невысказанность внутренней боли. Однажды, набравшись смелости, показала местному литератору один из рассказов. И... Кое-что чуть-чуть сдвинулось в другую сторону. А Октябрина увлеклась.

В ней совмещались журналистика с непреложной конкретикой фактов, и литература с бесконечными авторскими фантазиями.

Октябрина загоралась только от собственной вспышки озарения любовью. В каждом новом сюжете о любви она должна была увлечься сама, искренно, страстно... Она должна была увлечься хотя бы на пять виртуальных минут – и всё. Сюжет готов. Остальное – дело техники.

Психологические истории взаимоотношений выдумываемых ею «героев» трогали чувства читателей. Но пока это были разрозненные публикации. А ведь Октябрина с детства грезила собственной книгой.

И вот – словно с горы в пропасть. Но не падаешь вниз, а паришь в воздухе на уровне тверди земной – именно такой образ точнее других отображал состояние, в которое она вошла, начав работу над изданием первого сборника. Чем дальше затем отодвигалось время со дня его выхода в свет, тем увереннее характеризовала Октябрина возвышенное своё состояние, сожалея и о его конечности.

Милая книжная девочка-недотрога, где ты сейчас? Там, в зеркалах, говорят, живут, не пропадая, невидимые отражения наших лиц, лет, настроений. Октябрина разглядывала собственное отражение. Оттуда на неё смотрели строгие глаза, словно молчаливо оценивая пройденный ею путь, словно ожидая отчёта о нём. Что стало с девочкой из прошлого? Сможешь ли ты, Октябрина Королёва, ответить сейчас

на этот вопрос? Быть может, та девочка поселилась в невидимом Зазеркалье? Улучшила ли она хотя бы чуть-чуть мир с того далёкого июньского рассвета? Осталась ли верна себе? Вопросы, ответы на которые ей известны. Обстоятельства и события, к которым она давно изменила своё отношение, которые давно пережиты и переоценены и кажутся ей теперь не значительными, а поучительными.

Глава пятая

Октябрина никогда не плакалась в чужие жилетки, никогда, страдая, не выговаривалась на мужском плече, не потому, что не могла позволить себе эту женскую слабость, а только потому, что ни такой «жилетки», ни такого плеча у неё никогда не было. Почему-то её «романы» угасали, не успевая начаться. Подчас её дорогу перебежали «чёрные коты», пробуя «прилипнуть» к ней. Истории эти то смешили её, то обижали. И то, что произошло с ней на днях, по существу оказалось происшествием из той же «оперы», но выбило её из равновесия. Вчера она весь день эмоционально отходила от неожиданной встречи накануне.

Недавно один знакомец на уровне «здравствуйте — до свидания» стал проявлять к ней что-то вроде внимания. Поначалу и с ним она разговаривала, как со всеми, — вежливо. Он же... И говорить неудобно — в их-то возрасте! — он просто не давал Октябрине проходу. Как взбалмошный школьник, он чего только не выделял перед нею! Похоже, уверовал в беспроегрешную магию собственной высокой должности.

— Нет! — однозначно ответила Октябрина притязаниям «полужнакомца».

— Да! — услышала в ответ.

— Нет! Я сказала, нет!

– Да! Я сказал, да!

– Нет.

– Это твоё последнее слово?

– В чём?!

«... Не совладал с этой, тьфу, как там её, дамочкой... Пора ей показать, кто и что из нас значит в этой жизни! Корчит из себя! Другие б уж давно... помани пальцем! Всегда у меня всё получалось по моему... хотению! Скольких перевидал, а эта...» Он едва не трясся от злости. Женщины всегда привычно-доступно вились вокруг него и... его тугого кошелька. Да он особо и не тратился, получая любую из своего окружения: разве это траты – шампанское да букетик цветочков! И вот она, ещё одна побеждённая в ночи! Тут же... Чем эта отличается от них?! Пигалица какая-то. Придавить некого, если что... Ни кожи, ни... Нет, здесь он с собой уже не согласился. «Рожей»-то она и лишила его покоя. Ему хотелось треснуть своим кулачищем по её ухоженной голове.

– Поборемся! – в сердцах рявкнул он.

– Поборемся, – прошептала Октябрина.

Сейчас, дома, вспоминая эту чушь, она недоумевала: почему человек, требующий беспрекословного внимания к себе, так груб? Она же никогда, ни при каких обстоятельствах не давала ему никакого повода к его посяганиям на себя. Она не в состоянии объяснить ему ровным счётом ничего – он ничего не понимает. А уж выходка с её документами! Хорошо хоть, что паспорт удалось практически выцара-

пать из его толстых лап. Октябрина до сих пор возмущена: схватил сумку! Там как раз были её документы на оформление загранпаспорта в полном комплекте и общегражданский паспорт. Так вот паспорт он возвратил, а всё остальное... Опять, что ли, фотографироваться, заполнять анкеты, собирать подписи?

– Поборемся, – улыбнулась Октябрина.

Она не сомневалась в своей психологической победе над ним.

Октябрине нравилось состояние влюблённости. Да вот немало лет уже предмета для неё она не видела. Ей советовали снизить её лично-оценочную планку требований. Что означает такое снижение? Быть рядом с кем-то без любви, только ради того, чтобы хотя бы кто-то был рядом? Нет, это не для неё.

Но то, что произошло вчера... Нет... лучше уж не вспоминать... И смех, и грех – не знаешь, смеяться или плакать. Вчера её полужнакомец окончательно вышел из рамок приличия. Мог бы и стукнуть – Октябрина бы не удивилась.

– Ну так вот! – рывкнул этот самый «знакомец». – Не желаю о тебе больше слышать и ничего знать не желаю о тебе! – можно подумать, Октябрина «желала». – Не молодая уж ты баба-то! А!!! Посмотрите на неё! Недотрога! Девятнадцатый век! – он презрительно скривился. – Я не знал, что ты такая... наглая!

«Наглая» – это что-то новенькое...

– Наглая ты! Корчишь из себя чёрт знает что! Видали мы и не таких! Ха! Дамочка! Фу – ты, ну – ты, хухры-мухры!

Он задыхался и от недостатка слов, и от ненависти. Смотрел на Октябрину с нескрываемым бешенством. Его глаза вполне могли бы выскочить из орбит. Она смотрела на этого человека, не понимая того, как и зачем она, пусть и очень коротко, могла с ним общаться. Вот нескладуха! Она омерзительно чувствовала себя при одном лишь воспоминании о незадавшемся знакомстве. И тем более не собиралась с ним когда-либо заговаривать. Пересиливая себя, решила на в какой-то степени отчаянный шаг – вернуть свои документы. Не хотелось лишней беготни по инстанциям. И Октябрина приостановилась рядом с ним, копошившемся около изрядно поношенной иномарки:

– Документы когда возвратишь?

Он вперил в неё немигающий взгляд.

Как же ей хотелось заехать тонкой ладонью по его самодовольной морде! Держа руки в карманах, глядя в его налитые злостью глаза (мороз по коже!), мягко улыбалась, источая приветливость, растягивая слова (чтобы не заикаться от кипевшего в ней возмущения), нараспев произнесла:

– Не оскорбляй меня, драгоценный!

– Я не оскорбляю! – выкрикнул он.

– Ос-кор-бля-я-я-ешь, – пропела Октябрина. – Оскорбляешь. Я не наглая. Я хорошая. И ты знаешь это. Я тебе не по зубам. И это ты тоже знаешь. А вот поступил ты

со мной неприлично. Мужчины так не поступают. Можно ли без разрешения брать чужое?

– Катись ты к... – он выкрикнул незамысловатое ругательство, плюхнулся на сиденье. Машина закачалась под его грузным телом. – Отойди от дверцы! – рычал он, ухватившись за руль побелевшими пальцами. – Отойди! Кому сказал! – орал он, казалось, на всю округу.

Октябрина подивилась количеству злости, скопившейся в этом человеке. Отступила на два шага. «А ведь задавит. Глазом не моргнёт. И ничего ему за это не будет...», – её обдало холодом чужой ледяной души.

– Чувствуешь себя «крутым»? – всё же не смолчала она.

Он по-прежнему ввинчивал в Октябрину злость, не отвечая ей. А она обязывала себя оставаться непобедимой, не разрешая себе даже подобия снисходительного компромисса:

– Чувствуешь себя умным? – подкалывала его Октябрина.

Он самодовольно расправил плечи.

– А подонком ты себя не чувствуешь?

Тут уж он не выдержал. Хлопнул дверцей и уже через стекло в неистовой злобе оглядывал Октябрину с головы до ног. Она была необычайно хороша в короткой шубке из тёмно-коричневой норки и соболином берете. Недавно купила, долго откладывала деньги, да и в долг залезла. Октябрина была словно в ударе сценического вдохновения. Грациозно вынула правую руку из кармана. Перчатка прори-

совывала красивую кисть. Лениво, нехотя, жеманно пошевелила пальцами: прощай, несбывшаяся радость!

Он дёрнул руль. Машина обиженно завилыла по асфальту, сорвалась с места, скрылась в темноте улицы.

«Молодец! – похвалила себя Октябрина. – Выстояла. С документами придётся, видно, начинать заново».

Она направилась к своему дому, до которого отсюда было минут десять пешком. Немного посидела на скамейке у подъезда, и, как ни в чём не бывало, нажала кнопку звонка своей квартиры. Незадолго до развода она получила льготный кредит и теперь хвалила себя за смелость. Пути назад уже нет – как хочешь выкручивайся, зато есть неплохое, вполне современное жильё. Шестнадцатый этаж – город на ладони, воздух, птицы, простор. Родительский дом пока оставался под присмотром мамы и старшей дочери.

Младшая открыла дверь. Несостоявшийся претендент на внимание показался Октябрине глубоко обиженным жизнью человеком. Никаких проблем дома – всё выбросить за порог квартиры. У неё много интересных знакомых, таких, кому и в голову не придёт посылать её... Куда?

Да хотя бы и тот человек, с которым она недавно изучала смысл жизни. Глубокомыслен и, кажется, не хам... К тому же, он удивительный собеседник.

Глава шестая

Любимый месяц Октябрины апрель на этот раз подобрался к ней как-то незаметно. Первая трава. Тонкий воздух. Природа тихо дремлет, но уже не спит. Бесплатные концерты дают птички-самоучки. Особенный воздух, прозрачное небо. Кружевные солнце и дождь. И звуки природы словно хрустальные.

Апрель. Нежно. Хрупко. Звонко.

Ап-р-р-р-р-р-е-ль-ль-ль... Ка-пе-е-е-е-ль-ль! Капель к апрелю откапала и выдохлась. Пе-ре-е-дыш-ка. Музыкальное слово – «ап-ре-е-е-ль», кристальное...

Лето близко. И тепло. Хочется чуда! И этот человек. Тот, с кем они выясняли сущность смысла жизни. Он интересный... Кажется, они с ним ни капельки не похожи... Он любит май.

«И я люблю май, но по-другому, не как апрель...»

Май. Коротко. Ясно. Лёгкий ветерок.

Май. Коротко. Скучно. Всё расцвело. И нечего ожидать.. Природа напористо и уверенно набирает силу.

Апрель. Нежный. Хрупкий. Кисейный.

Апрель – такой же невесомый, как душа Октябрины.

В новом апреле Октябрина была другой.

Накануне Нового года вышла из печати её первая книга – заряд положительных эмоций.

Выдержала! И может быть, уже чуть-чуть, самую малость, улучшила окружающий мир или всколыхнула чьи-то чувства. Выстоять в глубинах эмоционального одиночества, преодолевая тоску, ночные кошмары, депрессию, бессонницу, оглушающую тишину домашнего телефона, угнетение безденежьем, пустым холодильником, пустословием, злопыхательством... Она выдержит и другие испытания, даже если очень захочется плакать

Как строить новую жизнь? К кому обращаться за помощью? Почему-то ей неловко стучаться, что-то у кого-то просить. А если ничего не делать, то ничего не изменится. И Октябрина робко постучала первый раз.

Тележка её жизни незаметно сдвинулась с места и, спотыкаясь о препятствия, покатилась... в гору! Правда, Октябрина о том пока не знала. Она зарабатывала на свой кусок хлеба свой кусочек масла. Мелочи, досадности, нестыковки, вынужденные корректировки событий теперь воспринимала спокойнее и почти забыла, как плачут от обид. Но пока не было веских поводов плакать от счастья. Обстоятельства учили другому отношению ко многому. Иногда она пугалась: становится равнодушной? Без эмоций ей не быть собою. Но есть читатели, которые приняли её тему, её манеру беседы с ними. Её читатели, как и она, верят в любовь, ждут

её и в жизни, и в литературе.

Да, она придумывает всё, о чём пишет. Но в этих героях её эмоции. С ними она плачет и смеётся, легко становится придуманной ею же героиней и так же легко прощается с нею до следующей встречи в другом рассказе. Однако литературные эмоции появляются не на пустом месте. За каждой строчкой – личная радость, личная печаль. Другое дело – ситуации, в коих живут выдуманные ею, но для автора реальные люди. Эти ситуации Октябрина придумывает и продумывает до мелочей с азартным вдохновением. Читатели уверены: это происходило с нею.

– Да-да, именно так и было! – отвечает Октябрина. – Не в реальности – в воображении! И не со мной, а с теми, о ком я рассказываю. Я не всегда знаю, как сама поступила бы на их месте. Всё это было и... ничего не было.

Глава седьмая

Первая книжка Октябрины вышла в декабре. Небольшой тираж и провинциальное издательство, значащиеся в исходных данных, её не смущали, главное, что начало положено. Окрылённая и счастливая, Октябрина словно летала по городу. Молчала, радовалась, волновалась в одно и то же время. Следующие месяцы наступившего года она жила на подпитке читательских откликов. Её понимали.

Недавно, чтобы со временем не забылось чувство происходящего, Октябрина записала в дневнике:

«...Я надеялась, что рассказы принесут мне что-то новое, но даже не пыталась представить заранее, в чём это выразится. Никак не ожидала, что моё настоящее станет раскручиваться т а к...

Поясню.

Все написанное – моё воображение. Но не совсем. Я – придумываю жизнь и пишу о ней в рассказах сначала на вдохновении. Потом прорабатываю детали. Детализация ситуаций вводит в заблуждение знакомых лично со мной читателей. Их невозможно переубедить в том, что это – придуманная жизнь, моя внутренняя игра. Детали – моя забава, моя свобода.

Во мне сосуществуют два мира – мои литературные выдумки и моя действительная жизнь. Пока пишу, они – это

я. Точнее, ОНА – это Я. А ОН... Им неожиданно для меня, автора, способен стать любой знакомый или почти незнакомый мужчина. В сюжете они возникают вдруг, в момент вдохновения, в часы работы. А я этот образ додумываю. Вот и вся «технология». И после, возвращаясь в моё настоящее, я некоторое время пребываю в своих выдумках, не сразу переключаюсь – так сильно я перевоплощаюсь».

В год после выхода первой книги Октябрина испытывала разные чувства – от бесконечного счастья, которым она лучилась, до полного неверия в себя, о котором не говорила даже детям. Ей не хватало профессиональной поддержки. Помогало ей выстоять время, каждой минутой которого она бесконечно дорожила.

Глава восьмая

Новое лето одарило город чудесной, если не сказать, идеальной погодой. Днём – тепло и сухо. Ночами над улицами проносились скорые, густые ливни.

Переливчатый утренний свет, переполненный запахами воздух.

Под настроение, в редкие периоды, Октябрина брала в руки акварель. На жёсткой бумаге сгустками чувств проявлялись фантастические смещения цвета: музыка её души.

Почти невесомый тюль занавесок прикрывал обе квартирные лоджии. На сквозняке его прозрачная кисея напоминала балерину в полёте танца.

Много лет подряд Октябрина мечтала просыпаться летним утром в просторной спальне под безмолвные па тюлевой занавески. В далёкой замужней жизни в другой квартире Октябрина (романтическое наваждение!) почти осызала летнее утро в объятиях любимого человека, открытую дверь на балкон, лоджию или на террасу. Ей были важны дверь в пространство и белое облако занавески – как бы разделяющие её существование на правду и выдумку.

Делать первые, вторые и даже третьи шаги, осваивая новое пространство, ей страшно, непривычно, опасливо – подспудно ею почему-то всегда ожидается отрицательный результат. А мысленная форма результата положительно-

го неосознанно самой же ею загоняется в глубь сознания. Ждёшь хороших начал или итогов, а почему-то заранее настраиваешься на поражение. В своих разномастных настроениях Октябрина интуитивно настраивала себя переступить через свои боязни, училась не запугивать себя заранее надуманными страхами.

Дома в одиночестве она вслух проговаривала ситуации реальные или возможные. Потом приходило решение как лучше поступить. Отклики читателей немного прибавили ей внутренней уверенности в себе. Но теперь мучил вопрос: не поздно ли она входит в литературу в свои сорок пять?

– А когда же? – удивлялась московская Люся. – Писатель – это человек, имеющий не только собственный жизненный опыт. Он умеет размышлять о нём, может сказать и рассказать, подвести читателя к анализу поступков героев, понять их мотивацию. Я твои рассказы читаю и перечитываю. Несколько книжек подарила хорошим людям. Они тебя-автора поняли и приняли.

Люся хорошо разбиралась в литературе. Она даже показала книжку Октябрины подруге, с недавних пор работающей на факультете университета, куда в своё время не прошла по конкурсу Октябрина. Книжку быстро «зачитали».

– У них одно мнение – ты талантлива. Тебе нужно писать, несмотря ни на что. Пиши! Непременно что-нибудь изменится, а у тебя уже всё есть! Помнишь Мартина Идена? Конечно, за исключением финала, пусть и у тебя всё написан-

ное сразу, вдруг станет востребованным! Пиши!

Ах, это Люсино «пиши!» – не первое и не последнее пожелание тех, кто с лучшими побуждениями рекомендовал и рекомендует ей это.

Так вот и жила. Верила и – работала. Сомневалась и – работала. Падала духом и – работала. Любила, увлекалась, теряла, разочаровывалась и – работала. Наблюдала людей, придумывала ситуации, поступки, проступки, анализировала их и – работала! За первый год после выхода книжки Октябрина немного привыкла к комплиментам, оценкам, к анализу того, что она сумела сказать в рассказах. Она писала новые рассказы и верила в то, что вторая книжка не за горами, она будет, обязательно будет! Октябрина работала, оставшись на всё лето в квартирном одиночестве, – каждый день – после основного рабочего дня в редакции большой ежедневной газеты. Что из двух занятий основное, что – второстепенное? Для неё всё главное.

Глава девятая

Вчера позвонила московская Люся. Ее подавляла депрессия. Люся плакала, смеялась, говорила сразу о многом, перебивала себя, спрашивала, не вслушиваясь в ответы... Люся серьёзно болела и захотела оформить в пользу Октябрины завещание на своё имущество. Старая московская квартира неподалеку от вокзала теперь имела другую денежную ценность. Октябрина согласилась на Люсино предложение, чтобы не обидеть доброго человека, решив в ближайшее время навестить её.

Что бы ни происходило в жизни, как бы ни звучала каждая нота её настроенческих «акварелей», Октябрина с особым трепетом дожидалась лета: встречала мартовский неуют улиц, таяние снега, ручьи на мостовых. Торопила дни в ожидании апрельских сумерек, светло-серых в зеленоватой дымке первых проталин любимого месяца, его рассветных часов... Впереди лето.

Его Октябрина любила по-каникулярно-школьному. Каждый летний день существовал отдельно от дня предыдущего и дня будущего, но всякий раз – светло.

Ах, эти июньские утренники с молочным расплывчатым туманом, навевающим воспоминания!

Глава десятая

Порой эти самые воспоминания захлёстывали Октябрину. Танцплощадка в отрочестве. Местные музыканты старательно подражают столичным знаменитостям. «Сиреневый туман над нами проплывает, над тамбуром горит прощальная звезда...» Всё, что, казалось ей, со временем забывалось и уходило в никуда, на самом деле никуда не уходило.

Тот «Сиреневый туман...» из местного парка, превратившийся потом в серебряный туман первой любви, до сих пор... формирует взрослую женщину, «состоявшуюся личность» – так теперь иногда пишут о ней её же коллеги из других изданий.

...Танцевальная веранда. «Сиреневый туман...» Шестнадцать лет, девятый класс. Первые танцы, дрожь в коленках. Девочки в коротких юбочках, сегодняшние бабушки... Как живётся вам сейчас?

Октябрина приблизилась к зеркалу. По возрасту она тоже – бабушка? У многих сверстниц есть внуки... Как же быстротечно время! Да ведь, кажется, что она только что начала жить!

Тоскливый какой-то сегодня выдался день. Что такое?

Стоп! Распрямляемся, улыбку на лицо Сколько ему сейчас, сводному брату? Кажется, двадцать пять уже или двадцать шесть. Где они?

Мама живёт-поживает с новым, теперь уж старым, но после папы всё-таки новым, мужем. Счастлива, здорова, весела, энергична! Однако находит любую причину уколоть дочь... Дёргает нервы воспитательными штучками. Мама остаётся собою, давным-давно раз и навсегда уверовав в свои непогрешимость и правоту.

Чего стоило Октябрине в одиночку пережить развод! Мама тогда почему-то смертельно обиделась на «своенравную» дочь. Не приходила, не звонила... Неприязнь матери научила Октябрину умению анализировать мелочи, делать выводы из ошибок, самостоятельному мышлению, принятию решений.

В первое послеразводное время думалось не о деньгах, не о любви... Не раз Октябрина представляла: вдруг, просто так, без выговоров и нотаций её мать... молча обнимет её. А теперь уж и не хочется ни объятий, ни разговоров, ни сочувствий.

От Вадима Октябрина отошла тихо. О дочери ему не сказала: и случая не было, и не хотела.

Она по-прежнему любит тот старый дом, где она вросла в жизнь. Да вот бывает в нём редко. Деревья в саду разрослись, постарели. За ними совсем не видно города. За садом – низина, чуть дальше – речка с мостом. Здесь притихло

её прошлое. Его не выбросишь из памяти, не перешагнёшь, не объедешь, не перепишешь, не проживёшь по-другому.

«Зато у меня были надежды. Сейчас, кажется, есть вера в хорошее», – на глаза навернулись слёзы. Как бы она внешне ни хорохорилась, – душа-то мается. Ох, эти изматывающие вздохи! Кажется, не хватает воздуха, ничего не хочется... Но тут же, на удивление, настроение стало хорошим. Прогулки по прошлому заставляют больше думать о настоящем.

Сашка после тех, на сегодняшнюю оценку, незначительных, «провинностей» сумел выбраться в «свободный мир».

И, кажется, его дела идут неплохо. Хороший человек Сашка. Увидеть бы его... Вадим сытно здравствует в столичных верхах. Сделал быструю карьеру. Детей у него нет.

Её нечаянный знакомый, тот самый, с кем Октябрина рассуждала о смысле жизни, каким-то непостижимым образом поселился в её мыслях. Почему-то кажется: он так же, как она, одинок внутри. Его чертами она наделила героя одного из рассказов, на который вдохновил зимний телефонный разговор с ним, точнее, – всплеск эмоций. Октябрина держала их в себе, до тех пор, пока не добралась до бумаги и ручки.

В следующем телефонном разговоре Октябрина сказала ему об этом. В ответ услышала:

– Я всегда буду вашим вдохновителем, – голос тёплый, нежный, завораживающий.

Их знакомство проистекало на расстоянии телефонных звонков. Разговоры бывали и долгими, и лаконичными. Она не изводила себя мыслями о его отношении к себе, избрав главным прототипом романа, который вот-вот начнёт писать. Осталось дать «прототипу» имя. А что, если это будет не имя? Что, если им станут его инициалы, написанные латинскими буквами?

... Через день именем главного героя ненаписанной книги стали буквы английского алфавита – BBS (би-би-эс).

Глава одиннадцатая

Октябрина вернулась домой из старого дома. Теперь в нём живёт недавно вышедшая замуж старшая дочь. Зять оказался человеком хозяйственным: занялся ремонтом, дом преобразается, комната Октябрины – тоже.

– Мало ли что! – сказал зять. – Потом сделаем здесь музей... – Он говорил полушутливо, полусерьёзно. – А сейчас мы её осовременим, не возражаете?

– Ну, музей это слишком... Что касается ремонта – делайте, как вам нравится.

Никогда. Никому. Ничего. Не доказывай.

Ах, Октябрина, дитя ноября, что с тобою? Ты слишком взрослая, чтобы мечтать о необычной любви. Мечтай, мечтай – это не возбраняется! А пока мечтаешь, напиши о любви роман. Придумай новую жизнь себе и своим героям. Выдумай всё! Пересели туда всех, кого захочешь, придумай их, романтных, и сама себя тоже придумай! Придумай роман о любви! Пусть в нём побеждает радость!

С некоторых пор Октябрина стала чаще задумываться о своём возрасте. Конечно, это всего лишь цифра, а не состояние души, но всё же!

Кухня благоухала летом. Пахло огурцами, зелёным луком, укропом, болгарским перцем, помидорами – щедр нынешний июль.

Лето, лето, лето... Кто же не любит тебя!

Жизнь опять меняется. И Октябрина ожидает гостя.

С этим человеком она общается легко. Недавно разговаривали по «междугородке» сорок две минуты. Их недавнее знакомство – приятная случайность. Короткая встреча, быстрое прощание. Однако, спустя короткое время, он напомнил о себе:

– Набрался духу и позвонил.

– Спасибо, рада, – сказала Октябрина.

И вот сегодня, в пятницу, рано утром, Октябрина собирается на вокзал. А зовут его... Вадим. Ну раз так... пусть будет Вадимом вторым.

Спустя полтора часа вслед за хозяйкой в квартиру вошёл её симпатичный спутник.

Октябрина открыла дверь на лоджию кухни. Короткая тюлевая занавеска заволновалась от потока воздуха. Гость огляделся:

– Неплохо...

Быстренько они сервировали столик в гостиной.

Октябрина иногда представляла, как вместе с BBS будет

слушать здесь музыку, говорить с ним о жизни. В редкие встречи они всегда разговаривали о жизни и о ней, об Октябре Королёвой. О самом BBS речь заходила редко.

Но сегодня вместо BBS по квартире уверенно передвигается другой человек. Высок, широк в плечах, крепок в кости, светлые улыбчивые глаза, слова – выверены.

Итак, он – Вадим Глебович. И она – Глебовна. Редкое совпадение редких отчеств. Значит ли это что-то?

Её новый знакомый, BBS и Вадим, тот, первый, – вот три человека «мужеского полу», с кем она общается или общалась через духовные совпадения.

Ничего не попишешь: её судьба порой устраивает сюрпризы... И вот, одарила ещё одним. Приятное общение родственных душ. Но и только.

А вот Вадим первый – не только душа. Старшая дочь, похожа на него, как две капли воды.

Все трое – тот мужской типаж, который привлекает Октябрину Королёву. Если же сбросить со счетов Вадима первого, то остаются двое. Оба интересны. Пусть будет так. Каждый – дополнение другого.

– О! Совсем забыл! Так рад видеть вас, что совсем забыл! Гость вернулся из прихожей с большой сумкой:

– Скорее на кухню!

Каких только вкусностей не появлялось на столе!

– Что вы! Что вы! – Октябрина изумлялась, всплёскивала руками, совсем как домашняя хлопотунья, поощряющая

добытчика-кормильца. Она и смеялась, и удивлялась, и смущалась. Разложив привезённое по местам, позвала гостя:

– Ну, пойдёмте же, буду вас кормить!

За разговорами поздний завтрак плавно перешёл в обед. Много общих тем, интересов. Не верится, что они недавно познакомились. И вообще... кажется, они во многом совпадают.

Промелькнул то ли мимолетный, то ли летящий мимо образ BBS.

– Погуляем по городу? – предложила Октябрина.

Уборкой посуды, ловко с нею расправляясь, занялся гость.

– ...Конечно, – отозвался он.

Приблизился – на самую чуточку, на несколько сантиметров он стал физически ближе к Октябрине. Ему захотелось коснуться её волос, погладить их. Смешавшись, Вадим произвольно отвёл руку.

Октябрина отметила крепкую кисть, пальцы средней длины, широкую ладонь. Пауза длилась не более секунды.

Вадим второй опять шагнул к Октябрине, обнял. Нежные сильные руки... Обнимая Октябрину, Вадим зарылся лицом в её волосы.

– Я не раз представлял вас наедине с собой, – негромко говорил Вадим, – не выпуская Октябрину из объятий.

– Но мы так мало знакомы...

– Я пробовал представить это ещё при первой встрече. А потом повторял попытки. Сначала не получалось.

– Почему?

– Не был уверен, что смогу привлечь ваше внимание.

– Ну уж! – недоверчиво отстранилась от него Октябрина.

– Представьте!

– А как же?.. Как же – сегодня?

– Готовился всю дорогу. Теоретически. Время было.

– Ну вот что, – решительно начала Октябрина. – Давайте объяснимся, – последнее слово прозвучало почти жалобно. – Я не сторонница женской инициативы, но коли вы то ли мнётся, то ли не решили, как лучше и правильнее поступить, беру её на себя.

– Да что там – «мнусь»! – воскликнул Вадим второй. – Я не мнусь и говорю первым. Вы мне очень нравитесь. Хочу взаимности, но не уверен, что достоин вас! – Вадим облегчённо выдохнул и добавил: – Да! Ещё! Я дорожу вами и хочу, чтобы вы всегда были. Помните один из ваших рассказов? Там вы описали практически мои чувства к вам. Здорово у вас это получается. Умело.

– Спасибо... Но я писала, облегчая в ту минуту свои переживания.

– И вызвали мои, – мягко продолжил Вадим второй, открывая шампанское. – Надеюсь, теперь ваши чувства станут спокойнее?

– Спокойнее? Вы решили, что я взбалмошна?

– Ни в коем разе! Я всегда жду вашего звонка, даже когда сплю... Вы же сомневаетесь в его необходимости для ме-

ня и не звоните. А я звоню, подолгу вас разыскиваю. Ничем не в состоянии заняться. Вы для меня – словно не пьедестале.

– Памятник! – нарочито ужаснулась Октябрина, смеясь глазами.

– Вроде того, – серьёзно подтвердил гость. – Только живой! Вы не знаете себя! Вы... Вы особенная. Светлая... Неуёмная! Таких, как вы... Вы одна! А таких, как я, много! Ну, подумаешь, фирмач. Нас таких сегодня – хоть пруд пруди... Могу ли я поставить себя рядом с вами?!

– Приятно вас слушать... С вами легко. Иным же знакомым мужчинам приходится объяснять очевидное.

– Хотел бы стать с вами единым целым... И ещё вопрос. Когда вы успеваете писать?

– А у меня нет счастья в личной жизни! Зато есть время! – засмеялась Октябрина. – И дети выросли. Времени много – выходные, праздники... Да и после работы чем заниматься? Вот и пишу, – отшутилась Октябрина.

Идёт время. Когда-то в грусти и печали, зависев от чужого мнения, нуждаясь в одобрении или хотя бы в добром слове, она начала записывать мысли, выговариваясь бумаге.

Глава двенадцатая

Октябрина, молодая тогда журналистка, опробовала писательское перо. Капля любви, немного пафоса и сказки в незамысловатом сюжете. Романтическая история написана сама собой: душа молодой женщины пела, и хотелось Октябрине задержать внутреннюю радость таким вот «бумажным» способом. В первые годы замужества она жила более или менее умиротворённо. Но и тогда Октябрина, оптимистка от рождения, всякий раз выдумывала красивые чувства. И постепенно такие вот её литературные опыты переросли во внутреннюю необходимость.

Несколько коротких зарисовок о любви проскочили в литературных выпусках, а её... вызвали в редакционный партком.

– Иди на «ковёр»! – многозначительно ухмыляясь, съехидничал ответственный секретарь, – Сдаётся мне, помещалась ты, дева юная, материнством обременённая, на какой-то несуществующей возвышенности и ненашенских чувствах... Откуда дует ветер? Начиталась переводных романов? Золя? Мопассан? Флобер? Или современные фили-мигли? Где берёшь? Не подскажешь ли адресок?

Октябрина не выносила хамства в любом его виде. С ответсекком, здоровенным крупноголовым мужиком с густой шевелюрой, деловые отношения у неё не сложились. Он еже-

дневно так или иначе портил ей настроение. И вот наконец Октябрина доставила ему нечаянную «радость».

В парткоме собралось бюро: свои, журналисты, братья-газетчики. «И сёстры – тоже», – сыронизировала Октябрина, не узнававшая коллег. Другие люди! Подменили их, что ли? На лицах ни тени улыбки. Строгие, сосредоточенные мужчины и одна... дама. «... Что-то будет!» – ёжилась Октябрина под их суровыми взглядами. Парторг, бывший фронтовой журналист, некогда, по слухам, отчаянная голова, строго приказал:

– Садись, Королёва!

Октябрина подчинилась.

– Так вот, третий вопрос повестки... – парторг кашлянул. Обычно добродушный, он ценил женскую красоту, но особенно – красоту душевную, хорошо разбирался в людях, однако обстоятельствам не противодействовал. Что положено было делать в соответствии с ними, то беспрекословно и выполнял. – Так вот, Королёва, редколлегия, ознакомившись с твоими литературными, так сказать, кхе-кхе, – у парторга запершило в горле, – так сказать, романтическими, – парторг помямлил, – м-м-м, скажем так, изысками, решила от неприятностей подальше рассмотреть их на партбюро... Хоть ты и не в наших тесных рядах, но... сама понимаешь... Мы обязаны помогать молодому коллеге обретать правильность взглядов, поступков, мышления. В тебе, Королёва, многовато самостоятельности... независимая ты какая-то... Вредно

это в твоём цветущем возрасте. Разве не понимаешь: жить в обществе и быть свободным от него нельзя!.. А ты! Забралась в раковину и... ладно бы. Но ты как бы... одиночествуешь... что ли! А мы – народ коллективный, отрываться от коллектива означает противопоставлять себя... Нас больше... Понять должна! Что будет, если все спрячутся под панцири?! Так вот, видишь ли... Предварительно члены бюро ознакомились с материалом... и вот что мы решили. Попрошу высказываться по порядку.

Октябрина не понимала: всерьёз они или разыгрывают её? Ну не понравилось написанное ею... так что же? На бюро-то зачем играть в правдоискателей?.. Она слушала вполуха, опасаясь нечаянно заплакать от несправедливости, беспощадности, необходимости защитных оправданий.

Члены бюро «высказывались» часа полтора. Думай после этого, кто из них какой на самом деле. Зато теперь воспоминаний ей хватит надолго... Конечно, речи о бесталанности не шло. Но вот какие-то её литературные творения «не такие», не в духе времени какие-то!

– Итак, члены бюро рекомендуют вам глубже изучать труды классиков, как политических, так и литературоведческих, больше читать, заниматься самообразованием, а не подражать модникам из «Иностранки...» На первый раз ограничиваемся внушением. Иди, Королёва! Иди и думай, как дальше будешь работать в партийной газете. Тебе, такой молодой, оказали доверие. Взяли в штат, а ты... в романти-

ку ударились... кхе-кхек-кхе... – парторг сокрушённо мотал головой. Голова его вихлялась слева направо, словно потеряв опору.

Невозможно поверить, что когда-то этот человек, будучи в звании младшего сержанта, отбил свою будущую жену аж у командира полка! Потом один за другим на свет появилось пятеро их детей. Его семью часто приводят в пример другим. Неужели этот человечек когда-то был способен на безумную отчаянность во имя любви? Говорят, он до сих пор не может надышаться на жену, а уж о детях и говорить нечего! И все они прекрасно устроены! В мужчине парторг считает главным качеством характера заботу о семье, а в женщине ценит гармонию качеств.

Вняв рекомендациям строго-неприступных членов партбюро, Октябрина перестала предлагать к публикации романтику любви, сменив её на романтику трудовых буден. А что в них такого предосудительного? Она натура увлекающаяся. Стала самоотверженно рассказывать читателям о повседневности, в которой ей открылась бездна интересного в экономических темах. «Романтика любви» до поры до времени накапливалась в домашнем столе.

Здесь, в редакции, были свои корифеи, чьё слово считалось единственно верным, и небезосновательно. Октябрина легонько приближалась к ним издалека. Два журналиста из промышленного отдела охотно разъясняли, на их взгляд, вполне доступные её пониманию экономические азы. Посте-

пенно все трое, несмотря на возрастные различия, стали друзьями. Правда, доброжелательно-профессиональная дружба эта проистекала только на редакционной территории.

Глава тринадцатая

...Всё! Выбрала! Надо бы поторопиться, гость, поди, заждался выхода «в свет». Она наденет новые голубые джинсы и рубашку в розовую клеточку с короткими рукавами. Вадим тоже переоделся, не сговариваясь, в похожий на Октябринин наряд: джинсы, светлая рубашка. Приехал-то он в костюме... И во всем таком... парадном.

– Отлично выглядите! – одновременно высказались они.

– Всегда хотел узнать ваш город лучше, – сказал Вадим. – Бываю здесь два-три раза в год. Хвалю себя, что после нашей короткой встречи тогда, у нас, решился на звонок... Сказать что-то? – Вадим с хитрецей посмотрел на Октябрину. В его глазах смеялись лучики послеобеденного солнца. Октябрина кивнула. – Я долго размышлял, прилично ли мне позвонить вам. Рискнул. И загадал: окажется на месте – это судьба, а не окажется – значит...

– Отступили бы?

– Не-е-е-е-т! Не дождётесь! Я решил так: не окажетесь на месте... Позвоню позже! Так что – как бы там ни было, дозвонился с первого раза.

В разговорах о том о сём они добрались до недалёкого центра. Октябрина увлечённо рассказывала гостю о городе. Настроение было хорошим, но вот душа... Душа почему-то не звенела радостью, не переполнялась счастьем. Ум говорил

одно. Чувствовала она другое. И всё же в душе светлело. То и дело – совсем не к месту, не к месту, не к месту! – вспоминался ВBS. А ведь он никак не выражал своё мужское отношение к ней.

«Может быть, так и надо? – раздумывала Октябрина, идя рядом с Вадимом вторым. Они красиво смотрелись. Крепкий мужчина, уверенный в себе человек, и она – стройная хрупкая женщина... – Если нет счастья в личной жизни, есть право выбора – отказаться от неё или жить, как получается...»

Может быть, сегодняшняя ситуация опять вдохновит её? «И я снова напишу что-то на одном дыхании? И вновь потеряю человека? Вдохновляясь, описывая то, чего не было, я непременно теряю того, кто вдохновляет меня. Какая-то необъяснимая закономерность», – думала Октябрина, одновременно разговаривая с Вадимом.

Красивый человек... А её сердце? Оно бьётся ровно.

«Зато мне спокойно и надёжно. Не хочется расставаться».

Октябрина рассказывала гостю о городе. Вадим, слушая повествование, думал о ней.

Глава четырнадцатая

Любовь оправдывает многое.

«Но сейчас я свободна от этого чувства», – анализировала Октябрина себя, разглядывая Вадима второго. Они зашли в кафе. Вадим заказал мороженое. Принесли вазочки с разноцветными шариками. А Октябрина, улыбаясь и поддерживая беседу, думала о ВВС. Их последний телефонный разговор был каким-то непонятным. Тонко улавливая интонации, в этот раз Октябрина услышала в его голосе всего лишь вежливость.

«Что ж, пусть будет так...»

«Какая она милая, – синхронно Октябрине думал Вадим. – Милая... Добрая, чуткая, нежная... Как можно было потерять её тому, неизвестному человеку, от которого у неё двое детей? Не глупец ли он? Интересно, из-за чего всё-таки разошлись их пути? Жаль, что у меня столько обязанностей и обязательств... А женщина – просто чудо... Так бы и заслонил её от всего. Да только такие горды, самолюбивы, не просят о помощи...»

– Не пора ли нам передвинуться поближе к дому? – спросила Октябрина, отправив в себя последнюю ложечку мороженого.

... Часть пути они медленно прошагали по неохотно погружающимся в ночь улицам.

Два человека, не стовариваясь, заглядывали в незашторенные окна первых этажей, придумывая жизнь тем, кто обосновался за стёклами. Они негромко смеялись, болтая о всякой чепухе.

– Вы такая необыкновенная, – сказал вдруг резко посе­рёзневший Вадим второй. – Невозможно представить, что кто-то мог легко расстаться с вами... Простите, конечно, это не моё дело.

– Ничего, прощаю. Вопрос не нов – не вы первый его задаёте. А я вам не первому не объясняю причины моего раз­вода.

Вадим остановил такси.

Лифт споро добрался до нужного этажа. Выше было ещё два. Октябрина в шутку называла этот дом «небоскрёбом». Он и в самом деле возвышался над всеми окружающими зда­ниями стандартной железобетонной свечой.

Квартира встретила темнотой и абсолютной тишиной.

Дверь на лоджию нараспашку. Теперь уже вечерний го­родской «бриз» колыхал невесомую тюлевую волну. За ок­ном темнело небо. В прекрасном настроении они в который раз за сегодняшний долгий день болтали о ни к чему не обя­зывающей приятной чепухе.

– Дорогая Октябрина, я всё же продолжу, – начал Ва­дим второй. – Вы необыкновенная. Но вы и с воображением. А ещё вы – воздушная. Не встречал подобных.

– Спасибо...

– Это не комплимент. Когда смотрю на вас, то чувствую себя на ступень, а то и на две ступени ниже.

– Что вы... Что вы... – запротестовала Октябрина.

– Подождите! Я не о мужской планке... Не уверен в том, что вам можно соответствовать лично. В жизни много грязи, но вы ею не запачкаетесь.

– Мне важны ваши слова. Но... Я – разная...

– Что бы ни было – всё это мелочи... В вас главное – вы.

Вечер незаметно перешёл в ночь. Сейчас кажется, что утро со встречей на вокзале было давным-давно. Вадим второй заметно волновался. Октябрина, понимая его, оставалась спокойной. Время от времени, поглядывая на себя в зеркало, она видела там симпатичную особу с выразительными глазами, модной стрижкой... Ей нередко говорят, что она выглядит моложе своего возраста. Она же отвечает: лицо отражает то, чем живёт душа, и то, что живёт в душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.